

СМЕНА

A black and white photograph of three cyclists racing down a steep, dark slope. The cyclists are wearing light-colored jackets and dark pants, leaning forward in a racing posture. The background is a dark, textured surface, possibly a dirt or gravel track, with some light-colored streaks or tracks visible. The overall tone is dramatic and emphasizes the physical effort of the race.

№ 12

АВГУСТ
1933

Изд-во ЦКВКП/с/ „ПРАВДА“

СМЕНА

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Издано ЦК ВЛКСМ „Правда“

№ 12

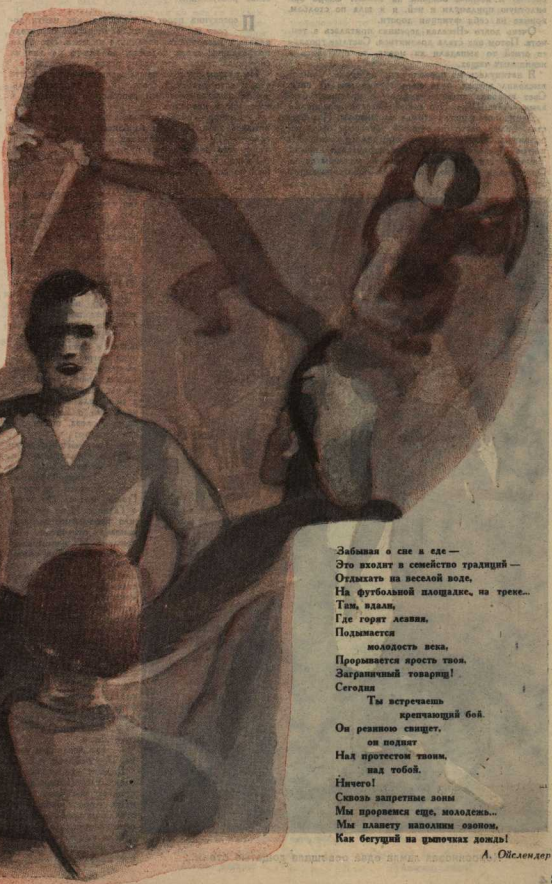
1 9 3 3

10-й год издания

Адрес: Москва, центр, Малый Чернышевский пер., д. 3/4.
Тел. 2-89-28

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮНОШЕСКИЙ ДЕНЬ

Вот встают,
 Как платины тугие,
 Освеженные ливнем гола.
 Дышит черная металлургия.
 Плачет, заперта в шлюзах, вода.
 От раздвинувших ночь гидростанций
 Только отсвет дрожит на воде,
 Только лопасти свищут:
 — Останься!
 И созвездия всходят веде.
 Мастера вырастающей жизни,
 Мы крепим штурмовую весу.
 Жди:
 Из вагонов майками брызгает
 Молодежь, заполняя страну!
 У тебя на груди, современник,
 Мускулистый значок ГТО.
 Ты в Проскурове или в Тюмени —
 Я не вижу лица твоего,
 Но я знаю, товарищ, сегодня
 Побивая рекорд высоты,
 Ты, вид легкую вавилою поднят,
 Решив у финиша ленточку ты,
 Да. Не только упорно трудишься,

Забывая о сне и еде —
 Это входит в семейство традиций —
 Отдыхать на веселой воде,
 На футбольной площадке, на трене...
 Там, вдали,
 Где горит лавина,
 Подымается
 молодость века,
 Прорываемся ярость твою,
 Заграничный товарищ!
 Сегодня
 Ты встречаешь
 крепчайший бой.
 Он реально свищит,
 он поднят
 Над протестом твоим,
 над тобой.
 Ничего!
 Сквозь запретные зоны
 Мы прорвемся еще, молодежь...
 Мы планету наполним озоном,
 Как бегущий на урачочках дождь!

ЖИЗНЬ

Рассказ

Восемь настала меня в первом холле.

В армянский я пошла пешком. Просясь, секретарь комсомольской ячейки сказала мне, что армянский холл называется «Айга-Шен». Это значит — «Веселая деревня». Впрочем он не ругался за точность перевода. До «Веселой деревни» надо было идти двадцать пять верст. Дорога бежала вдоль телеграфных столбов, послушно сворачивая направо и влево. Суверки, круто замешанные асфальто крутой, сырою и петрою, оседали на землю. Скоро они вытотую прихвывают к ней, и я шаг по столбам, прихватывая себя функции дорожки.

Очень долго «Веселая деревня» пряталась в темноте. Потом она стала раздвигаться. Светлые громады ее отбросила в западающую тень, и пряталась в невидимых чащах.

Я наткнулась на проволочную изгородь. Фонарь выскользнул вперед, чуть не наступил мне на ноги. Свет выгорел, желтую вывеску с красными буквами «Айга-Шен». Это была «Веселая деревня».

Длинноногая чужая стояла за шкафом. Пол блестя. Белые расструги ошощенной завивки были неподвижны. Портрет Ленина смотрел со стены. На шпуре спускался к столу аэрированный лампа. Гемпюловская женщина сидела на платном стуле. Она влезала кружком маленьким побасковщином

кротком. Белые волны спускались ей на колени. Виски ее блые уже желты, плечи приподняты.

Горбосный юноша, может быть сын круженицы, читал у стола, погружен плавающим в свои кувшины волосом. Главнейший кувшин с молоком стола перед ним.

Смушенная картинкой довольствия в покои, я молчала. Вода струйками сбегала по моим рукам. Что же значил вывеска и фонарь, эти верные признаки общественных зданий во всех городах и селах республикан?

Переступив порог, я спросила, как найти дорогу в сельский совет. Лишница предостерегла в историю много влезла уже за мной. Это была привативные глаза хозяйки, но где-то на дне их свернула темная амальгама веков и народов.

На чистом русском языке женщина ответила, что это и есть сельский совет, а она председатель. Тогда влилась обычный разговор о подготовке к посессии и квартире.

— Григор, — сказала председатель, опять принимаясь за кружечку, и горбосный юноша подвинул голову. — Григор, проводи ее к Иванову Алексеевичу, у него две комнаты пустые.

Григор вовсе не был ее сыном. Это был девчачий по сельскому — комсомолец Караган. Он держал «Евгения Онегина». Я увидела его, заглянув в книгу через его плечо.

Она была раскраснела за третьей главе. Татьяна писала Онегину письмо.

— Влюбился, и ладно. Мила кто-то не поживает. Рассудит мой инстинкт. И молча глотать и дожить...

Григор посмотрел на меня несприятельно. Ему хотелось знать, что будет с Татьяной. Молча мы вышли в темноту. Цепкие руки ветра сквидали нас за плечи. Темнота плавалась медленной крутой. Едва мы отошли от фонаря, я перестала видеть Григора. Он оклеветал меня справа, слева, потом сказала содрогно:

— Так мы протрепаем до утра. Или рядом.

Ему хотелось знать, что будет с Татьяной. Мы поплыли, держась за руки. Григор молчал. Он думал о Татьяне. И ко мне пришло неодолимое желание увидеть опознанный эти мысли.

По какому звуком шел разговор обальстрогого семья армянской России с представителем древнего племени, поренившего эллинистическую культуру и вознесшего в предвечье создав

— Григор, о чем ты думаешь? — спросила я и увидела настороженность в молчащей темноте.

— Да вот, — медленно сказала женщина. — Я думаю о том, как несчастными были люди. Ты читала «Евгения Онегина»?

— Да.

— Ты же все, как в восторг. Перестань читать.

Больше он не сказал ни слова. Окно Иваны Алексеевичи появилось перед нами. Керосиновая лампа стояла на полочке. Я вспомнила слова председателя засвет двух комнат и почувствовала смутное уважение.

Григор постучал в окно. Дверь открылась. Блеснула свет. Я увидела Ивану Алексеевичу. Это был высокий, тучный старик. Лицо его казалось бескровным.

— Очень рад, — сказал он, слегка наклонив голову.

Он высоко поднял лампу, рассматривая исподтишка свет. Из темного сумрака жилья на меня глянула чья-то заданная. Переступив порог, я почувствовала чье-то одиозное, злых искарки, который заставляет нас понижать голос в комнате большого.

Керосиновая лампа едва освещала дощатые стены. На первом столе желтела немудря поуда.

— Походите в кабинет, — сказала Иван Алексеевич.

Я взглянула на него изумленно. Он пошел вперед. Вторая комната была оклеена обоями. Пламенный аэрированный диван с черной подушкой стоял у стены. В потрескавшейся рамке темнела семейная фотография.

Иван Алексеевич поставил лампу на стол и протянул мне руку:

— Ветеринарный фельдшер Голубкин.

Коридор Малешка ухаживает третьего дня и будет дома завтра утром. Можно переотчистить в ее комнате.

— Хорошая барышня, только аэрированная предвечьями, — сказала Иван Алексеевич.

Голос его звучал так благодушно и мерно, словно этот человек окончил все свои жизненные дела и теперь наслаждался покоем.

— Леткомиссия, — повторил он с видимым удовольствием.

Тени ползали из всех углов. Они напоили комнату, как воспоминания. Конечно я знала этого старика. Он жил в старых книгах, на пыльной полке, в шкафовых рефератах.

— Откуда пожаловала к нам? — спросил Иван Алексеевич.

Это были такие знакомые слова. Я их никогда не слышала, но они звучали в моих ушах, как вычурно в детстве стихи. Теперь Иван Алексеевич должен был сказать:

— Из Москвы? Очень приятно.

А он не сказал этого. Старо судорога, пробсала уямбка по рыхлым старческим губам. Глаза широко открылись. Он привстал. Дождь стучал в окно.

— Вы отгудали.

— Лампа мигнула.

— Я была в Москве... Тридцать пять лет назад... Так давно.

Он все стоял. Растерянная уямбка бродила по его скамчатому руху.

— Не так давно... Жизнь плет незаметно.

— Конечно. Если живешь на одном месте тридцать пять лет.

— Как-то сказала я и испуганно, — вы прожина здесь тридцать пять лет?

По крише бежала струйка дождевой воды. Мы слышали их осторожный шорох.

— Конечно не здесь, — ответил Иван Алексеевич.

Кажется, он смеялся, прикрывая рот желтой рукой.

— Конечно не здесь. Этому поселку всего три года.

Шорох наверху уяснился.

— Я жила поближе, — сказала Иван Алексеевич. — В соседней деревне.

Взду от суетливо оглаусили. Его утасние глаза искали что-то по стенам.

— Не хотите ли поинтересоваться? Мои сестры.

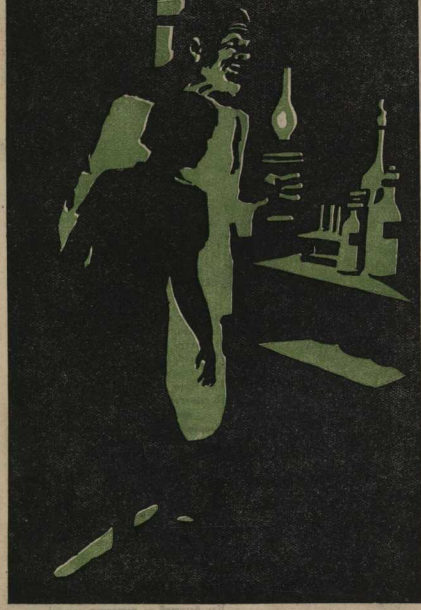
Он показывал на семейную фотографию в раскохавшей рамке. Я увидела желтые пятны. Три чалых женщин стояли в ряд, словно на желтых косячных руху.

Подбска к столу, Иван Алексеевич схватил лампу. В движених его появилась такая торопливность, словно он боялся, что не успеет привести в исполнение давно задуманный план.

— Вам будет очень интересно. У меня замечательная аптека. Таких аптеки только понайти...

Он пошел вперед, шаркая ногами. Я за ним.

Эта комната была темна, как шкаф, и совсем черна. Здесь-то и грядущие запахи лекарств, растекаясь по всему полу. На полках стоя-

Керосиновая лампа едва освещала дощатые стены...

ав желтые бани с античными надписями и бутыл, наполненные теплыми жидкостями.

— Вот-с, пожайте, креациониз. Употребляется для дезинфекции стальных дверей и при ипприальных родах. Совершенно незаменим.

Я посмотрела на бутыл. Иван Алексеевич перебрался к другой полке.

— Маргарицкая калии-с. Как будто бы простая вещь, а между прочим творит чудеса. При десятилетиях, повисевших матки. Язык надпримет что наклост соломой...

Мы подошли к шкафу. За стеклом стоял блестящих предметов, наполненных орудия пыток. Там были какие-то необыкновенно длинные и острые иглы, ножи, покрывшие зазубринами, тяжелые щипцы, ложки.

— Вот-с, поясите закрукта,— сказала Иван Алексеевич, ткнув куда-то пальцем,— специально для мошлей. Для коров не употребляется.

— А это?— спросила я.

— Троксар,— торжественно ответил Иван Алексеевич,— штука-с, я вам доложу!

Он и не думал обяснить назначение троксара, словно полагая, что одного его содержания достаточно для меня. В доме стояла сонная тишина. Уходя, Иван Алексеевич окинул взглядом темные стены. На лице его отразилось сожаление и боль. Может быть он жалел о том, что привел сюда негодного человека. Закрытая дверь огромным непотопорванным ключом, он сказала со вздохом:

— Наука утешает в одиночестве.

— Но ведь вы же не одиноки.

Иван Алексеевич остановился.

— Я очень одинок, барышня,— сказала он с разнотупой откровенностью.

Мы вспоминали белая занавеска и привитые глаза председателя, являвшего кружком.

Вм живете в такой необыкновенной... де-не-рине,— сказала я,— разве вы не ходите на собрания? Вы не знаете комсомольца Григора?

Иван Алексеевич взглянул на меня подозрительно. Мы были уже в комнате с лавошевым амсочущим ламинатом и семейной фотографией. Дверца ламп-у в руках. Иван Алексеевич проговорил нехотю:

— Манюшка комсомольца. Она и ходит на все собрания.

Мы молча сидели на стулах друг против друга. Дождь перестал стучать в окно.

— Эх, знаете, барышня,— сказала вдруг Иван Алексеевич с такой глумливой горечью, что я вздрогнула.— что вы толкуете о собраниях? Бедняк шестьдесят один год, а я не был женат. И сестры умерли в детках.

— Почему же вы... не женились?

— Из кому?—спросила Иван Алексеевич с глумливой, снисходительной к чужой глупости. Я рыванно читал, у меня образование было. А тут деревня. И послал и не выпустил.

— Иван Алексеевич,— сказала я, чувствуя какую-то странную тяжесть,— по ведь вы могли так много сделать. Как же люди жили в ссылке? Они не считали это тюрьмой и находили себе друзей.

А Ленин даже в тюрьме писал книги.

Отец я увидела снисходительную улыбку, тронувшую рыхлые стариковские губы.

— Да ведь это были ученые, милая барышня, гении, как говорится.

— Но в этой деревне, соседней,— крикнула я,— там была учителька надпример.

— Как же, был. От пьянства помер.

Иван Алексеевич придвинулся ко мне со стулом.

— Нас, знаете ли, весь свет забыл. Сначала ерещикались, финики читала привезенные, разговоры всякие... А потом привели.

Мы поучались курчавая голова комсомольца Григора. Он говорил о лавтсе.

— Но теперь-то вы не одиноки?—спросила я, поглядывая на Ивана Алексеевича.

Он поцеловал мне сплоской ладонью и позвала комнату Манечки. Я пошла в другой мир. Это была почти пустая каморка, но ярким светом, заливаящим стены, делае ее веселой. В комнате Манечки было проведено электричество. А Манечка в белом абдурае качалась на длинном шнуре, как цветок. Выросли из газет белые расклеены на стене вперемежку с картинками: цифирными выкладками и картинками. Писанка асплала на столе, вместе с конфетками, вкрученными из мешка. Окно было разбито. Висюльки сапоги из лавовой кожи стояли у угла. Ремешок ваялся на полу. Белое платье на гвозде было покрашено пылаком.

Я подумала, что Манечка не часто ночует в своей комнате, и легла на топчан, прикрывший серым колымном одеялом. Это было необыкновенно жесткое ложе, но я уснула очень скоро и до утра не самавала, как дожде стучал по крыше.

Шаги разбудили меня.

Женщина в клетчатом плаще, худырая и румяная от дождя, бросила на стол голубой берет. Она не могла быть Манюшкой. Она была слишком взрослой. Наше взглядам встретились.

— Как спавно?—спросила женщина.

Несомненно, это была хозяйка комнаты.

— Вы наверное удивляетесь?—спросила я.

— Ничуть,— ответала женщина.— У меня все привыкает поочую.

Она ушла и вернулась с чайником.

— Как вас зовут?—спросила я.

— Мария.

Улыбнувшись, она прибавила:

— Меня тут окрестина Марией Алексеевнотвой. Да я то сейчас уже двадцат второй год.

— А Манечка?

Женщина смеялась, наливая чай в стаканы.

— Это фальшпершья моя так прозвала. Ему кажется, что я барышня.

Она сбросила плащ.

— У нас, знаете ли, аптека нигуда не годится, инструмент старый. Вот я все и рискую. То в Симферополе, то в Джалте. А Иван Алексеевич думает, что это для турция.

Пока мы пили чай, Мария рассказывала, что она здесь работает уже год. Скоро ей придется уехать на три месяца. Курсы по повешенно квалификация.

— Хотела отказаться, а чейна не позволяет,—проговорила она в раздумии.— Ну как я Голубкина одного оставлю? Он как лесовик. Можно звонить лекция выписать. А вот заставит ехать.

— Но разве вам не хочется учиться?

— Ах, знаете,—сказала Мария, огорченно отключая стакан,— я здесь только и делаю, что учусь. Ведь у нас сергатору райкома Ковыдаченко кончилась. А я в бюро. А какой у нас колхоз! Это все переделаны из Стамбула. Они меня учат говорить по-турецки.

Она сказала несколько слов на странном малоизвестном языке и засмеялась.

Я пошлавая чл. Навсегда, Мария ходила по комнате.

— Пойдемте в садикотет. Сегодня ласуну.

Мы вошли на улицу. Дождь поприжмуе вступилывала на черепичных крышах свою старую песню.

Но Мария сказала, глумливо выходя:

— Какая чудная погода! Весна!

И я согласилась с ней.

Иван Молчанов

ВСТРЕЧА

Пошла лететь,	Дорожные встречи	Ты горел подирав	Вот горка! на ней
И, кружась хороводом,	Всегад одиноками,—	Над озерами сплыв.	Разбивал когда-то
Шашлыки, цветные	Я подошел	Работавл память.	Псалтыи плавать.
Гудели леса,	И стла говорить	Я видел леган	Ревнивыи года...
И реки бросали	Пустынные речи	В надбровье две четки	— Все лена!
Зеленые воды	О том, что весна	И стрателывыи лавки	Ну, здравствуй,
Под бревна	И дышеть хорово,	И псалтыи как пованью.	Товарищ покатый!
Бывае бешеный бег колес.	Что надо в лесех	Привала.	— Натана...
Оловянный край	Ожидать урожая	Соседи иванов.	— Бывал пионерой тогда.
Открывала нам об'ятия,	Морошки и лавочки,	Кудрявились давн.	— Привиню! Ну, вот!
И в окна приваляса	Что эти края	И досталась	А теперь инкиспером
Лесная весна...	Весною до чортиков	— Сказало голоса...	На практику еду.
И я вгляделась	Я обомлел	— Легите, слушайю	Оживила вуа...
На белое платье.	В них —веснетье,	Мы не бывали	И утро без мерм
На слепые кудри	В них бездотерь,	Лет восемь назад	Луналии весны
В квадрате окна.	В них юность моя...	Вот в этии лесех?	— И ветер смеялся.
И ты улыбнулася,	Что в них кудратные	— Лет восемь?!	И в утреннем марше
Веселыми и лавкам,	Полночи бродят,	Ушли они	Гремела нотами
Сверкнув по купе	Скажут лавкии	Светлыми парадом,	Моя стогрива.
Золотой волосой,—	И итуды поют.	Но память о них	—
Крематое солнце	И многие, многие	Горькая и остра.	—
Над лесом вставало,	В этом же роде	Вот озеро:	Да, голыи луги.
И вавало свернуло,	Тебе вавобала бы	Здесь	Мы становились старин...
Смолдой и рошой.	Твоей спутник.	С пионерским отрядом	—Ведь так это было,
И так, как обычно,—	Но тут	Пламя костра.	Товарищ жена?

ВЕДУДАСА

ВЛКСМ на международной арене

Робота прошёл через десятки граней, через сотни фантастических коридоров. Ребята шаг без прочной уверенности, что они догонят свои голубы до Берлина.

Когда в Вене открылась подготовительная конференция по съезду Берлинского конгресса, целью повзвонив русской делегации (одного делегата) не опаздывать на место. Делегата в это время выгнали поперек охваченной восставшим Уврини, он бросился на телушки и в телушку, шегола пачками, самых феерических манатов и неутомимо пробивал себе путь в Центральную Европу, отделенную от России колымками блока.

Русский союз воспитывался под руководством Ленина и черпал свой опыт из живой практики большинства партии. С самого начала он выступил под интернационалистскими лозунгами. Первая юношеская организация в Москве уже называлась союзом III интернационала. Первое свое массовое выступление рабочая молодежь России провела в международный юношеский день 1917 года. Первым лозунгом русской рабочей молодежи была мировая революция.

Мировская демонстрация в 1917 году шла под большевистскими лозунгами, и ее охраняли красновардейки... Это совсем несудачно. Организация рабочей молодежи у нас возникла как большевистские организации. Меншевики были против этих организаций. Они боялись молодежи, ее кипучей энергии, ее жажды борьбы, ее страсти к революционному действию. Большевики же вопрос о молодежи поставил уже во VI съезде. Да и как могло быть иначе, если именно по инициативе Ленина еще в 1907 году Штутгартский конгресс III интернационала принял резолюцию:

«Содествствовать тому, чтобы рабочая молодежь воспитывалась в духе братства народов и социализма и пропиталась классовым самосознанием. Стремясь реформистски долго маялся, но резолюцию все-таки принял...»

По заметкам этой резолюции делегаты революционной молодежи, руководимой Карлом Либкнехтом, создали Штутгартский юношеский интернационал.

Но лицо штутгартского руководства создавала не Либкнехт, хотя и непосредственный, но смеялся и переходил революционер, а Диниберг, тот самый, который после овладения мобилизацией захватил свой кабинет и записал на нем:

«Закрыто по случаю войны...»

«Интернационализм» этих людей действовала неосознанно в том, что в руководстве многих организаций творилось то же самое. «Возле» не равнялись активности масс, а спугались этой активности. В Германии партийные папаша просто прикрывали собою, отсылая на него лозунгов по распространению реформистских идей.

А центральный орган союза, захлебывався, писал:

«На фронт, на фронт! К великим целям, которые открывают нам необыкновенно светлые войны! По ту сторону ночи мы видим светлыми маяк социализма и мира народов».

Маяк социализма эти идеологические недорослы обрели в штабе Генциколлеров. Но германские социал-информосы были в этом отношении несколько лучше остальных. То, что в Германии делал Людвиг Франк, во Франции повторял Рене де Лапорт. В других союзах были тоже и свои Франки и свои Лапорты. Чем революционер становилась масса рабочей молодежи, тем дальше оттаивались ее вожди в болото социал-шовинизма.

Русский союз вышел из мирового арены революционным и интернационалистским. Он был, правда, молодежь других, но путь ему проложил Ленин. Когда Бюссельская конференция 1915 года остановилась на полпути в своей борьбе с милитаризмом и шовинизмом, Ленин послал туда делегатов партии, чтобы указать молодежи верный революционный путь. Это Ленину принадлежал суровый критика Бернал:

«Шаг на месте».

Это Ленину принадлежат великие слова, сказанные тогда, когда бернские руководители змугались в пафосном лозунге разоружения:

«Ты вымарешь скоро большой. Тебе надо думать. Берн его и числ хорошищею военному делу...»

Русский союз привнес в международное движение, вооруживший практикой и теорией большевизма. Он пришел в период, когда Бернский интернационал находился в тяжелом состоянии. Вождь его Мюнценберг отсиживал арест за арестом и знакомился с порядками и порядками тюрем Швейцарии и Германии. Союз в основных странах Европы был притеснен террором. Нужен был вождь, передовик, тот, кто потянул бы за собой остано-

вившиеся колесницы международного юношеского движения.

Эту задачу взяла на свои плечи русский союз. Он дал лозунг:

«Международный конгресс революционных юношеских организаций!»

В это время был Венский революционер советского знамени. Местом конгресса был избран Будапешт, центр Европы. Самуил укачал в Москву делегатам, какому историческое решение, лад первой московской встречи трех союзов: русского, германского и венгерского.

Сердце подготовки было в Москве. Здесь конструировались специализированные комитеты. Здесь закладывались организационные связи с западными союзами. Здесь были установлены контакты Коммунистическим интернационалом молодежи.

ЦК русского союза в июле 1919 года высылал на Запад свою первую делегацию. Едут Шарики и Циглер. Их послали разными путями, справедливо учитывая, что могут быть всякие случайности, что лучше, если даже и захотят один Циглер (Гуррель) легко перемалку через границу. С Шарикиным везло труднее. Выбрал хитрый путь через Украину и Румынию, но долго тискался по бесчисленным кордонам, не раз думая о том, что толкуют ему доистория до места назначения не удержат.

Пока Шарики обретался в неизвестности украинки и румынские границы, Циглер добрался до Берлина и одним из первых узнал печальную новость: советская Венгрия прекратила существование под натиском чешко-румынских войск. Нало бы до поджидать новое место для конгресса. Мюнценберге тоже оказалось плохо. Составилась встреча. До конгресса наметился провести Венскую конференцию. Она состоялась в августе 1919 года. Сюда приехали ребята из Германии, Польши, Венгрии, Италии. Циглер представлял Россию. Позднее поехала и Шарики, частично закончившей свои мытарства. Присутствовала и «сам» Диниберг. Его участие было совсем мало. Он сам и его союз в 1915 году отказались от участия в Бернской конференции и ответил на приглашение забавным письмом:

«Мы решительно против того, чтобы во время войны обсуждать вопрос о международном организации. Мы не согласны с таким решением». Австрийские представи-

Французский комсомол выпустил серию массовых открыток, распространяемых среди рабочих. Одна из них: «Сострельство в СССР»

«Хлеба и работы — моим лодкам!» Агитоткрытка французского комсомола

«Вместе с СССР — вместе с комсомолом!» Агитоткрытка французского комсомола

МЮД в Нью-Йорке. 4000 комсомольцев демонстрируют на улицах Нью-Йорка в день XVIII МЮД. Один из основных лозунгов демонстрации — «Защитайте СССР!»

теми провозгласил: «Конференция должна быть легальной».

Вопросы концентрации были принципиально чужды этим демократам-подползкам. Их цель была одна: повлечь в комиссию людей из II интернационала, синих и рабочей молодежи. Они требовали, чтобы конгресс был созван в Вене. Русский союз настаивал на Берлине, где крепче и организованнее революционный пролетарский лагерь, где революция была сильнее и яростнее.

Дальше потянулась долгий спор об участниках. Австрийцы, больше всех Гейнц, требовали, чтобы на конгрессе были представлены все «оттенки мысли», вплоть до явных социал-демократов. Гейнц угрожал конгрессу революцией. Делегаты России ответили:

«Заседать за одним столом с социал-патриотами русий союз не будет».

Германцы, Польша, Венгрия, поддержали русских. Вокруг русского союза уже начали складываться ядро международного революционной юношеской организации. Большевикская точка зрения победила. Не до конца, правда. На конгрессе было решено пригласить делегатов австрийского центрального союза, но это была уже ошибка Мюнхенберга, позднее исправленная. Во всяком случае под давлением русского союза идея создания «единого» интернационала вместе с социал-патриотами была оставлена безспорно.

В ноябре 1919 года в тесной комнате нейдебургского трактира, мимо которого еще патристически террористические банды Ноксе, собрался Берлинский конгресс. В условиях разрухи, террора, всемирного голода только русскому союзу, с необыкновенным упорством преодолевавшему все трудности, удалось созвать первый конгресс коммунистической молодежи, положивший основание прочной международной организации. Это было сделано под именем у Ноксе: старый шпик всю жизнь не мог простить себе того, что он проворонил организацию КИМ.

Тон и направление конгресса были определены еще большевикским ядром, в первую очередь — русским союзом. Неслучайно, что одним из первых документов конгресса было приветствие русскому пролетариату.

Среди участников берлинского конгресса русский союз занимал такое первое место по численности: он уже имел 80.000 членов, в то время как самые крупные западные союзы (германский, итальянский) имели по 35.000 членов, а другие были и того меньше.

«Опечная» идеология Даннеберга и молодых Эбертов была выброшена в мусорную кучу. Туада же пометали теория авантюристов.

Идея союза выдвинула идею завоевания массы, идею борьбы за большинство пролетарской молодежи. Это была идея классовой организации, боевой армии, а не клуба заговорщиков. Против этого выступили австрийские леваки, пропавшие пропагандистские активы молодежи и синдикалистскую программу организации и беспорядков: капитализм не давать покоя. Ежедневно мортить его ставками и демонстрациями.

Идеологами этих лучистских замыслов должны были быть одиночки-революционеры, «капитанские индивидуальности». Они должны были попортить сон буржуазии. Этой идее, игнорировавшей борьбу за массу, идея чужой, большевикской, враждебной мысли, русский союз дал бой. Его поддержали неоторые германские товарищи. Левая теория оказалась разбитой, но дух центразма не являвшийся силой у западных ребят, пришедших в КИМ с революционными возмущениями.

Безоликовичи были выдворены далеко еще не была выражено большевикской, не только в предвидении, но и в ответственных выступлениях руководителей и даже в решениях его еще звучавших авантюристических лозунгов. Мюнхенберг говорил о «революционной по природе своей молодежи», как и первая программа КИМ также не чурались авантюристических обмолвов. Но в решающем вопросе — о взаимоотношениях между Коминтерном и КИМ — русский союз изречла большевикскую точку зрения КИМ организационно во главе в Коминтерн. Этим была положена конец авантюристическим атакам Шидлера.

Конечно и РКМС не была полностью выдворена работ партия поправляла не раз. Но на между-

народной арене русский союз был носителям интернациональной солидарности, борцом за боль-

«Молодой пролетарий, тебя хотят сделать пущенным мясом». Агитационка французского комсомола

шевисткую непримиримость, он сколотил ядро преданных революцию людей. И неслучайно, вспоминая о конгрессе, писал Мюнхенбергу:

«В отличие от членов и организаторов Штутгартской конференции, значительная часть которых потопила в социал-патриотический или буржуазный лагерь, основную движущую и участником Берлинского конгресса остались верны своим идеалам молодости».

В мире большевизма молодость никогда не проходит. Нашему союзу уже 13 лет. Он стал старше, серьезнее и ходит уже не в коротких штанишках, а в прочном костюме и носит галстук. Но он так же неудержимо молод, как и тогда, так же продолжает всему миру образцы юношеского мужества и отважно несет знамя интернациональной солидарности. Капитализму, ведущему борьбу с молодостью, наш союз противопоставляет борьбу за молодость, за будущее.

«Газета польская» писала издавно.

«Русские комсомольцы — юности, антиутилитарные предание большевистской партии. Они зумели видеться в горле каждому, кто бросится на Советский союз. Но эту ярость русские комсомольцы сумели передать международному комсомолу».

Вот почему в борьбе за Советский союз молодежи принадлежат почетные места. В проведении бурных первомайских демонстраций молодежи, руководимых комсомолом, являлся на передовых постах. МОД впрямь под знаком борьбы за СССР, борясь против политикетелей интервенции. Посмотрите печать западных комсомолов: она любовно описывает наши победы, гордится ими.

ВАКСМ — организатор и администратор КИМ. ВАКСМ, руководимый большевистской партией и ее великим вождем Сталиным, положила начало международной юношеской организации пролетариата. Он был и остается ведущей силой в этой организации, силой, ведущей ее к победе.

Пропагандистский грузовой «Смерть фашизму»

РИМ

Рим коммюнист
на гробике крика,
Напряженье прокатывается
обрыками грома:
Язык пролетария —
на бицепсах Диеа,
На красных трусах Тома.
Диа тиска
телом и умом,
Рука стальные
от шпичек и груш:
А Том неслабее,
и душет о том,
Что двадыт доллары —
хороший язык.

Это —
цена поражению в бою,
Безработному
любая сузда причина.
Гольфа на ринге
за кровь свою
Можно поладить напичками.
Гром распределены
точно заранее:
Двадыть разудон
заплатно драгаты!
Диа,
не смей убивать ранее,
Том,
не смей рашне славатся!
Любые фото-
и глазо-объективы
Уперены в лару,
на ринге стоящую...

Гейнц,
Началось.
Помнить директивы:
Двадыть!
Убиты два историчуе.

Другуе,
А в публике поют анкинь,
Публика стонет
в жестокой истине,
Глади как Диа,
не смей
с уверенной уамбкой
Делает вакуку на Тома.
Публика в восторге,
славою давится.
Нельзя жисте,
пантерой опережсе,
Смывает —
и ей бесконечно нравится,
Что Диа,
не смей Тому
вышкнута чаевость.

Другуе,
а Тома скоро чеканить,
Грудью доллары зарабатывать одностно!
Убит.

Убавать бы...
Нельзя, не запалит.
А ринг так ма,
на ринге так тесно!

На лице —
кравовой слани грим,
Голос судий:
«Готов!»
Платом покачиваясь,
попадам ринг
На полавках голос.
Только на ринге
за кровь свою
Можно поладить напичками!

Капелька лимеры
публике
зонтике раздлант.
Вечер прошеда отаично.

ТОВАРИЩ ЗИНА

Рассказ

В обработке Н. Ляшю

Студенты торопились повторить уроки, бродили вдоль аудиторий, разговаривали. Смех взлетал над головами и тоном в голосах, в шаркавшем шот.

Лешка Савельев ничего не слышал. Он стоя у стены, глядел на дверь, в волнении проводил рукою по лицу, по зачесанным назад волосам, охуцывал ворот сорочки, галстука, с досадой косился на часы и почти шептала: «Есть уже девять скоро».

И вдруг в дверях мелькнула звонкая ширинка. Он ясно оселтел, вскапывая на улыбку Зинки Федоровой и стала упрекать ее за опоздание.

— Простала... вечером долго занималась.

Губы Федоровой, мягкие, пухлые, как бы свесили от слов.

— Задачаю идеала?

— Нет... Не успела... сознался Лешка.— А ты?

— Я идеала... только один пример что-то не сходится с ответом...

Зинка, маленькая, почти кружка, раздумывалась, но явно сдерживала поступки к горлу и отворачивая к нему, к Лешке, «хорошие» слова. Лешке нравилось это, и они размявшись пошли на урок русского языка

Преподаватель объяснял, что такое наречие.

Лешка не мог слышать его и пристально глядела на Зинку. Та тоже поглядывала на него, и они начали пестить друг другу.

— Товарищ Савельев, что такое наречие?

Лешка задумался, покраснел и сознался:

— Простала, Иван Семичев.

— А товарищ Федорова как?

— Топке прослушала,— отвечала Зинка.

Лешка начал было вслушиваться, но перед ним вдруг встало то, что было два дня тому назад: яркое сияние в мутное небо, электрические фонари похаживали по сияющей аллее. Он спешил по скрининку снегу на комсомольское собрание. В аудитории перед собранием лежал и в одиночку, и дуэтом, и все вместе. Лешка сидел у окна. Зинка о чем-то шепталась с соседней и, казалось, не замечала его. Чорт знает что! Он на уроках и в коридоре глаз не сводил с нее, ему надо поговорить с нею, а она пестится... Он пошел к Зинке ближе, и та спросила его:

— Почему не пошел?

Лешка взглянул ей в глаза:

— Да так, не слышит что-то...

— Что так? Сидишь к нам.

С этого и началось.

— Ты часто ходишь в кино?— спросила Зинка.

— Разные часто, а теперь никогда... Сегодня? А не пошло? Айда.

У нас кино было много народу. Они измывались в другое кино, но там очередь билета еще больше, а в третьем билетов не было совсем.

— Ну их к лешему, устал!— капризно вскрикнула Зинка.

— Тут недалеко еще одно.

— Нет, домой! Завтра!

На следующий день однако в кино им попасть не удалось. К вечеру небо заволокло серыми облаками, поднялся ветер. Лешка вышел из столовой и понял: ветер свистел, выла, взметал снег. Люди бежали боком, руками закрывали лица, трамвай задержался где-то. Лешка с усилием добрался до общежития и увидел, что уже десятый час. Все пропало. Он долго не мог уснуть: как несправедливо вышло-то... и чего ради пруда поднимался?

Рабработные ехали в переполненных трамваях, получая на рабочие билеты и бриллианты, под смех и шутки, гуляния в вагонах редкий свет. Лешка поднималась свет, поглядывала на красную лампочку, а чья-то бригада кончала работу, побила к Зинке:

— Ну, как работало?

Цены Зинки полкани на фоне белого снега.

— Хорошо что пошла работать, в степях закончилась. Спасибо вчерашней погоде.

— Я как-то домой поборлась, а хотем в кино идти.

— Какое тут кино... Я у подруги почтывала. Трамвай не ходил. Проклет и подруга, она плачет. Справилась,— молчит, а потом за чаем рассказала. С мужиком, оказывался, разошелся. Перед зимой приехалом получила разводило.

Зинка поморщилась и добавила:

— Не нравится мне это, расписывалась дак что-то. Не хоч у этого...

— А как же по-твоему?— улыбаясь, спросила Лешка.

Она, хмурясь, стала подбивать слова:

— Как? Я хочу жить иначе. Если двое друг

друга не любят, то никакие деньги их не свяжут... — Ну, а точно, как за ут...— отступила Лешка.

— В кино ходишь?

— Что же, я не против.

Так тянулось месяца два. Они часто ходили в кино, по вечерам в пустых аудиториях вели разговоры. Когда Зинка заговаривала об учебе, Лешка надвигал на лоб лешку и таула:

— Брось, учеба и так навалом.

Зинка улыбалась и повторяла:

— В классес...один, здесь— другое. Давай-ка познаемся по математике.

— И охота тебе?

— Охота— не охота, а нужно.

Как-то Лешка отстоялась у расписания и услышала за собой голос друга Мити Васильева:

— Сегодня контрольная по истории каховской борьбы. Будничек будет проставлять отметки.

Слова друга сблысли: очутились урок, ребята побеждали к журналу, и сразу же грянуло:

— Савельев! «неуд!» Савельев! «неуд!»

Лешка понуро посмотрел в журнал и закурил. Полученный «неуд» был третьим по счету. После звонка он вяло подумал: «Ничего, в следующем месяце аквизирную...»

После занятий группы ежедневно устраивали пятиминутные собрания, а на собраниях разговор один: у кого есть долги— выписывала аквизирную; кто оставался завет на буксир, Лешка возмывалась; а его группе говорили о нем:

— У Лешки Савельева три «неуда». А месяц назад было два.

О чем ставили вопрос на группе, его вызвали на бирю.

— Почему? По какой причине? Много общественной работы? А как же другие исут?

— Я не знаю, но я не могу... не успеваю обрабатывать задание.

Бюро сияло в Лешки нагрукку, но через месяц у него было уже четыре «неуда». На групповом собрании комсорг Крючков кричал:

— Товарищ Савельев, ты позорил всю группу!

Лешка уградно поглядывала на Зинку. Она сидела в оный и гуляла в одну точку. Лешка чувствовала себя маленьким. Ему было нелюбно и совестно.

Его приреклял к Васильеву. Лешка подумал: «А ведь, повалюл, не перевел на третий семестр». Встретился на лестнице с Зинкой, и вот тут-то и началось.

— Что ты там утромаешь?

— Нет, тебе показывалась.

— В кино пойдем сегодня?

— Нет, мне некогда,— холодно и отчужденно проговорила Зинка.

С этого вечера Лешка нет-нет, а и видел Зинку в Мипшоп Крючковым и удивался: «Что это значит?». В буфете он попороса оладьям Зинку влить заветре и ему, но она сухо сказала:

— Стари и очередь.

Он пригнал это за шутку и совал ей деньги. Но она отклоняла его, а после занятий, когда он полагал на все роду, отстранялся от него.

— Что это значит?— вскрикнул Лешка и посмотрел ей в глаза.

— Мне жарко, вот и все.

В столовой Зинка села так, что Лешке нехватало места рядом с нею. Он видел, как она вышла вместе с Крючковым. Лешка не дождался, полагая, что она, как всегда, идет στο у двери. За дверью Зинки не было.

«Гульта пошла». В горле его стало сухо, и он в раздумьи пошелся домой. Васильев, первый друг, на групповом собрании ругал его за «неуд», а Зинка— с Крючковым. Близкая вывеска «Пянка» смгла его мысли, и он, не разминаясь, свернул под нее.

Лешка побрелся к освобожившемуся столу, на сером мраморе в желтой луже пива увидел свое лицо и глядел на него до тех пор, пока обинел в заспанном преденне не слышну по пиву трайкой...

Лешка принался глумить к краю кружки, долго тану горькое пиво, глядела по сторонам и снова принималась к прусущившимся губам грязней край.

А потом, пошатываясь, бласся по улице.

— Эй, своих не узнаешь?

Лешка вскинул голову и встрепенулся:

— А. Сережа! Здорово, друг ситый... откуда? Товарищ внимательный и восторженный!

— Что, отпус? Нет? А что же? С радости, что ли?

— Да так просто...

Лешка решил все рассказать, начал было:

— Понимался... а... и сбывалась...! Что-то хотел сказать и позабыл...

Сережа обривала а липы сладкие почки, жовал их и рассказывала, как работает на заводе, как ему

Перед собранием пели...

„СЧИТАТЬ ПРОВЕРЕННЫМ“

Председатель торфяника Андрей Демидов кор-
тед на их третьей задачей:

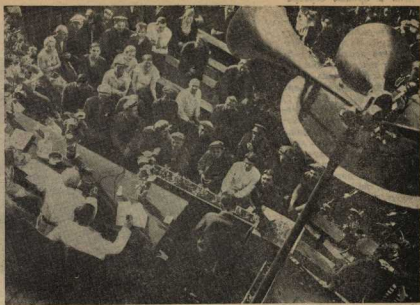
— Чортва агбарал.
По политэкономии, по текущей политике он идет
в первой группе, по производству тоже вперед,
а вот бычоны и квартерные корня подвигаются у
него туго.

В комнате жарко. Мешают комары. На улице
играет гармоника.

...Андрей Демидов бережет время. Он совме-
щает производственную работу с учебой. В бюро-
графии Демидов учбу вытеснил практикой. Де-
мидов связал свою жизнь с торфом платок, как
крестьянин с землей. Он сын торфяника. Он еще
вспомнит кустарную добычу. Он прошел все ступени
квалификации. Семь лет он перепоранивал пятку—
кутил сохнувшего торфа— на родине, в Рязани. По-
том работал два года имущим у эсеров. На
Орехово-Зуевских торфяных разработках за четыре го-
да работы окончательно сформировался лично Андрей
Демидов как крепкого производственного и то-
варщика. Он вступил в ряды партии. Он вырос до
председателя торфяника. Он боролся за чистый ба-
рак, за вкусный рабочий обед, за боевую добычу.
У него неслыханно большой политический опыт.
Для передачи этого опыта партии перевел Андрей
Демидов на Шатугорф.

На торфяных разработках больше половины рабо-
чих — молодежь. Она пришла из деревни со мно-
гими космичами, привалками, отсталыми взглядами,
но с огромным желанием научиться хорошему рабо-
танию. Демидов создал в поселке курсы по повы-
шению квалификации. Он привлекал лучших техни-

Собрание
по чистке партии
во дворе завода
им. Лопод

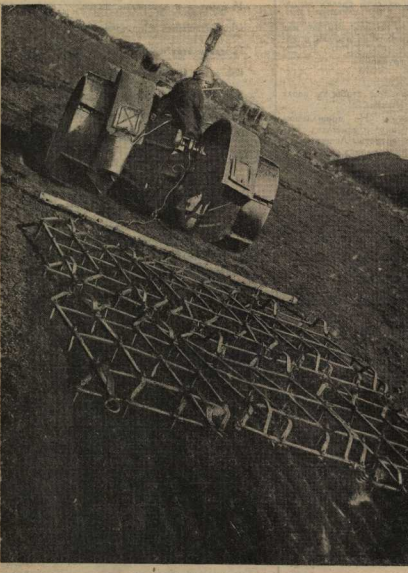
ков обучать молодежь. Курсы дали людей, хоро-
шо знающих торфодобычу: машинистов, тракто-
ристов, механиков.

Первые две бригады Демидов сколачивает из
комсомольцев. Вместе с ними он изучает экономику
разработок, овладевает металлургией.

Усталый и несладкий Демидов старается не про-
пускать занятий. В комнате Демидова на книжной
полке, рядом с аккуратно подобранными комплек-
тами «Правды» и «Большевизма» лежит «Электро-
техника» проф. Александровского, литература о
торфе. Над кроваткой у Демидова висит обобщен-
ный бюллетень. С вечера Демидов записывает, что
ему завтра необходимо сделать, к какому часу
надо побывать.

В работе Демидов не распыляется, но и не про-
пускает мелких дел, которыми многие брезгуют.

В прошлый сезон в поселке было три случая за-
инициативы Демидова все карьеры заняли крепосны-
ми и этим уничтожили малейшего комара.

Торф фрезеруют прицепными Боронами

Планируя для Ан-
дрей Демидов
проводит на разработках.
Ляра танана, точно на све-
то вообще перестали су-
ществовать облака и тучи.
Облакомлено он прохлудит
по всему болоту, по всем
десяти машинам. Для каждо-
й машины у него есть
отдельная занесенная книж-
ка. В нее он записывает
все требования и предложе-
ния торфяников, начин-
ая с критики рукавиц и
кончая крупными разро-
дкамоторосными советами.
Сегодня он все день
работает на шестую ма-
шину. Работа на элеваторе
шла равномерно и чет-
ко. Бригада подобралась
крепкая.

В самый разгар рабо-
ты Демидов заметил, как
вадранная тяжесть
правого берега карьера
вдруг прозвонно осебь-
нулась. Он понял, что за-
вал карьера неминуем, и
он переключил шуми мо-
тора. Работа выверилась
из карьера во-время и
чужими. Разве приятно
гулять, как беспорядочно
торфяная тяжесть завали-
вает пыталом обрабо-
тованное место добычи и
спинблет машину с реал-
сов? Элеватор смолк и
остановился. Со всех сто-
рон его окружил разме-
ренное гудение машин, ра-
ботающих на разных вра-
тах поля. Элеватор нужно
было посылать на реал-
сы, отходить от места об-
лада назад и вывалить
дальше.

Демидов синула подялке и первым завался за де-
ло. Вместе с машинистом Васей Савономов он ата-
чина штатку под крайнее комко элеватора. Работа
побросала штырки и начал работать.

Трибуна стоит на возвышенности, посреди по-
селка. Это легкое деревянное сооружение
само по себе ничего внушительного не имеет. Парил
одна часть трибуны, платно подтянутыми ре-
внями и шпурями а бамы и деши развиралась в
цветные платя, бусы и ленты. Душой оркестр
торжественно расмещаются вокруг трибуны. Бри-
гада-победительница несет свои красные знамя.
За ней идет самая худшая вторичная бригада, во-
доча за собой пороку.

Демидов входит на трибуну. Теснота смыкается.
Бригады разойдутся. Победительские оркестр дра-
тми. Ей уаботуют. Но вот на третьей машине
недовольства на 20 процентов. Демидов грозно,
так, чтобы все слышали, спрашивает бригадву, в
чем причина. Оказываются, нехватка досок. За
доски отвечает десятник. Он прячется в толпе, но
не может скрыться. Вопрос ловит его. Десятник
мнется. Он ничего не отвечает. Он смущен и ра-
стерян. За него говорят бамы и деши. Десят-
ник получает выговор на всю площадку, пороку
кислого оркестрового «яблочка» и требование удар-
ников немедленно обеспечить досок. Тут же на-
значается общественный контроль за его работой.

Вместе с директором разработок Андрей Де-
мидов повел по баракам. Было поздно.
В трех шагах ничего нельзя было различить. Де-
мидов часто обходит самые отдаленные баракы.

В первом бараке жили преимущественно ямщи-
ки, старые рабочие. Они не спали. Демидов и ди-
ректор вошли тихо. Посреди барака за столами
шлито сидели впервые молодежь и взрослые.
Они играли в карты. Играли с азартом, с руганью,
на деньги. Это возмутило Демидова, он протолкал-
ся в середину игры. Игра остановилась. Он собрал
со стола карты и со свитом их в карман.

— Группирок, но мне,— сказал он.

— Демидов два им при всех нагойки, но на бараке
не ушел. Он сказал, что ссан товарищи хотят по-
развлечься игрой, пусть возьмут в уголке сто-
ло. Но это не рассело неприязни баракя и Демидову.
Потом он присел к десятнику и начал вместе
с ним составлять график разработок бригадам. Де-
сятник был малорамотен и врад невинно. По
его подсчетам все бригадинки получала одинако-
во. Спор собрал вокруг себя барак. Мнения пере-
палали на сторону Демидова. Он покосила де-
сятнику с карандашом в руках, как надо вести отчет,
чтобы лучший человек получал больше. Трое ра-
бочих предохранили ему закрутить их махорки.

В соседнем бараке жила девушка. Они встретили
Демидова в сосла, притягивая чашку кинуть,
стали угощать пестрым сахаром. Андрей спросил,
почему у них под умывальником течет ведро.

— Это еще алло блм,— сказала ода девушка.—
ведло, оно не крышно.

Она поглядывала Демидову на десятишка Шире-
рева, сосела по бараку, и се подловилла ослале-
ные работницы. Десятник Ширез начал стучать
ночью в стену, разбудил всех десят, ругал их
палками словами и отнял у них два часа душевно-
го. Демидов помогу десятнику написать на де-
сятника заявление в товарищеский суд.

Перед комисией по чистке партии, перед всеми
рабочими торфяных разработок прошла биография
Андрея Демидова.

В протоколе собрания попалась краткая запись:
«Считать проверенным».

ПИСАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬ*

1
Для литературного молодянка собиравшийся в мае 1924 года писатель являлся объектом огромной важности.

С чего подвигают эти действительности всей советской литературы?

Вы представляете собой один из боевых отрядов молодой литературы. Вам, как и другим творческим коллективам молодежи, нужно подвести итоги своей работы: посмотреть, что в ней хорошего, что плохого.

У Мирка где-то есть замечания, что книжка, вы написанная своего потребителя, — это просто не написанная книжка.

А как у нас в этом отношении получается? Ко мне приходят молодые ребята жаловаться, но вы мне не приходите. А я их спрашиваю:

— Вы умеете кое-что писать? — Да, — говорит. — Читал свои произведения рабочим? — Читал. — Так вот и несите их отцам, дайте по этому вопросу материал, это и будет оружием в ваших руках.

Нужно с этой точки зрения посмотреть всю нашу литературу.

Мы уже имеем прекрасные образцы деятельности литературных производств: это отряды от самого сердца Шолохова «Поднятая целина» читают козляные бригады при свете лампы. По этой книге угадывают своих героев, угадывают и выявляют врагов.

Вот как реализуется хорошая книга.

Я думаю, что самая лучшая награда для писателя, это когда он видит, что его книжка приносит хорошие результаты.

«Поднятая целина» помимо расширения кругов читателей расширяет его отряды, от самого сердца будущей невинности к старому, продуманной и усиленной теми знаниями, которые он по черпнул из книжки. Это как раз и есть та воспитательная работа, в результате которой формируются империализм, коммунизм, слушай человека.

В моей книжке «Рабег» есть немало слабостей. Но она долма до читателя. Она так отвечает требованиям момента, что мне удалось в той же степени Всесоюзной съезд, конференция ее трювом. И вот эти 600 человек, которые с описанием которого я начал «Рабег», говорили не только о книжке. Они сейчас же перешли к обсуждению самых козляных дел, говорили о том, что у них имеется и что нужно дальше делать в козляне.

Трудно нам передать, какое счастье и испытание от сознания, что моя работа помогает.

Мы видели подготовку к съезду. Я спрашивал некоторых писателей: «Как вы связаны с читателем?», Некоторые отвечают: «А вы знаете, т. Ставский, не могу и переписываться с читателем; как-то меня это не заведает, не интересует».

Я думаю, что и у нас есть не один такой писатель, который не связан с читательской средой. В этом козлянская опасность. В этом отрывка старого. Это от писателя старого типа, от писателя жерца, пережившего истину, которые «через» слободу только слободу воспринимать.

Насколько это сейчас звучит смешно, говорить не приходится. Мы боремся и еще усиленной борьбой бороться за новый тип писателя, писателя-активного участника строительства социализма, писателя, который не только творит, но и садится за тем, как его книжка воздействует на массы.

2

Но дело не только в том, что писатель узнает мнение читателя и на этом успокаивается. Ведь сам-то читатель не есть что-то неподвижное, раз и навсегда данное... Тут очень большие дела.

В Москве имеются такие читатели, которые готовы вывалить 20 рублей за то, чтобы взять на два недели почитать «Тайны Парижа» Евгения Сю или же «Романы» Лисона де-Гурьяна.

Например, мы сообщали на Горького, что там 5 рублей платят на базаре за истерленную книжку Шерлока Холмса, Нат Пинкертона, зачиная эту «литературу» до дыр.

И тут перед нами огромная задача — воспитать читателя, привить ему культурный вкус, новые эстетические понятия. Мы должны опираться на помощь переводов, лучших людей нашей страны, но мы должны усиленно работать и сами над

вопросами искусства социалистического общества. Читатель очень любит писателя Джексона Лондона и в особенности его рассказ «Любовь к жизни». Писатель Константин писал, вспоминая, что она читала Изяшу эту рскаса и он ему страшно понравился. В чем там дело?

Идет человек по снежной пустыне, чуть не умирает с голода, поает, а за ним движется омар, хочет есть этого человека. Картина дурная, она как действует по тем не менее в этой картине, очень яркой и очень сильной, мы не понимаем, по чему это так получается, зачем человек идет, по нему что он идет, только из-за тем, чтобы спасти свою жизнь?

А вот возьмите вы поход «Сибиряков». Здесь тоже люди преодолевали смертельные опасности, но во имя чего они это делали, нам понятно.

Сравните рассказы Джексона Лондона, всех его героев, весь строй идей этого писателя с нашим героизмом с нашим строем идей, и вы увидите, как изменился дело.

В произведении Джексона Лондона «Красное солнышко», действует сильная личность, герой, очень импонирующий читателю. Но в конце концов, когда прочтешь все произведение, то становишься просто жалко героя. Написано сильно, удачно, а прочтешь и думаешь: вот еще один человек, которого удуровало капиталистическое общество...

Герои Джексона Лондона бесспорно не могут не терять своих поклонников в нашей стране, где вернутся самые героические дела человеческой истории.

В нашей литературе, по-моему, не хватает своего советского Джексона Лондона, писателя, который бы с такой же силой, как Лондон, но который показывал бы страстного человека-бойца, имеющего совершенно иную цель, чем все герои Джексона Лондона, человека, представляющего малую социальную среду борца за построение бессмысленного социалистического общества, человека, знающего, за что он борется и как нужно бороться.

И вот тут-то формал Сталина, что труд слободы, слободы, доблести и т. д. убойной, перд нами, писателями, полностью раскрылась и звучит, как боевой призыв к художественному действию. Она очень много объясняет и наталкивает на интересные мысли относительно новых понятий о героизме.

Троцкий говорил о труде, что труд — это проклятие со времен Адама, что человеку свойственная неги, и при социализме будет знание, индивидуальность, а труд, как хляк, как нечестно, будет возложено на лямку массы. Человек же от этого будет свободен и будет жить припеваючи.

Изначе уже опрорнула самого Троцкого и все его бредни. Мы за Сталиным поговорим и видим, что социализм и труд не отменяют, что труд стал делом доблести, чести, славы, героизма.

Новая действительность обязывает нас, работников искусства, продумывать вопросы искусства по-новому и отвечать на них по-новому.

Если мы действительно хотим выиграть войну партии, если мы хотим быть теми «инженерами души», о которых говорил Сталин, то мы к этому должны быть основательно подготовлены.

3

В литературе у нас есть представители старого поколения, старые писатели; многие из них очень крепко преоспиривают в нашу сторону идею и классово враждебную людей, которые и по сей день продолжают свою, враждебную нам, деятельность. Их надо разоблачать.

Вместо ликвидированного ВАПП создается единый союз советских писателей. Известно историческое решение ЦК партии о перестройке литературно-художественных организаций. Известным так же разговоры, которые были на эту тему относительно союза советских писателей. Мы должны иметь в виду, что в настоящее время мы имеем в литературе, что пролетарские писатели провалились, пошли на попятный и вернулись, то-бишь старым мастерами литературы, и т. д. Вот что есть отдаление классовой борьбы в литературе.

Сейчас нет дураков, открыто выступающих против линии партии и советской власти. В литературе как обоей форме политики, имеют место явления, чрезвычайно тонкие проявления классовой борьбы. Все дело в том, чтобы их прощупать.

В. Ставский

Надо сказать, что по этой линии мы кое-что сделали, но недостаточно.

К съезду мы должны быть подготовившие не только в смысле изучения читательских масс, и понимания этих читательских масс, чтобы осмыслить задачи авторы. Мы должны подготовиться не только в смысле решения наших творческих проблем, но и в политическом смысле.

Мы не можем пройти мимо таких фактов, как непонимание классово враждебных стилей в земстве, «Знамен» («Героизм земледельца» Заболотова).

Бывает, что и наши ребята, не разобравшись в материале, не продумав его глубоко, делают ошибки, выпускают политически вредные произведения.

Если из смежных областей привести пример, скажем из области киноискусства, то вы сами знаете историю фильма «Мой друг».

Ваша творческая группа должна проводить классовую работу. Она должна взять на себя определенную работу, проследить за нами, у нас, местах, участках юности и детской литературы. Если вылить сейчас детскую литературу, то тут очень нехорошо поучение от писательской общественности, займитесь этим делом, не только учите, но и работайте, принимайте активное участие в подготовке к съезду.

Много, вероятно, будет говорить на съезде о методе социалистического реализма. Вы тоже, вероятно, индивидуировать об этом у себя толкования.

Но решение этого вопроса будет правильным лишь тогда, когда мы будем знать и мнение читателей о литературе, знать результаты воздействия наших произведений на массы, когда мы будем учитывать новые формы классовой борьбы и подходить к писателю с точки зрения нашего представления о новом типе писателя, т. е. брать во внимание совокупность вопросов писательской практики. Иначе все разговоры о методе социалистического реализма будут беспредельны.

По вопросу о новом типе писателя нужно привести еще одно замечание: у нас же должно быть не одно советское писательство, который бы не передавал своего опыта начинающим.

Мое убеждение таково: все, что мы имеем, — это величайшее достижение. Недаром нашу литературу называют самой переломной, самой идейной, великой литературой на всем земном шаре.

Это величайшее достижение, но, подлиннее факты, здесь тянется в недрах рабочих и козляных масс.

Задача состоит в том, чтобы выявить это, помочь им. Это важнейшая, ответственная задача, и вы должны под силу поставить перед собой и практически решить задачу будущего съезду писателей.

В заключение скажу, что этот съезд должен быть не только писательским делом, а делом всей советской страны!

* Из доклада в творческом объединении «Смена».

Выходной в

СОВХОЗЕ

Совхоз «Красный», что под Симферополем, — хороший совхоз.

Земли — 5 тысяч га. И на земле этой живет почти 300 тысяч кур. Тут и куринные летдома — брудергаузы, тут и отдельные, по степи разбросанные городки крупной птицы. А в итоге — четыре с лишним миллиона яиц в полгода.

А что не занята птицей, то под овцами, плодородными садами, парниками.

А ведь еще год назад совхоз был хозяйственной развалиной. Курец косяка холера. Разворочивались огороды. Птицерады вырваны в степи специальные печи, чтобы курец далеко не носить опаливать.

Много пришлось побиться директору у. Мартовичкову и секретарю партхозамства т. Чеботареву, чтоб совхоз поднять. Но им в паре ходить не в новинку — с комсомольских лет вместе колхозила на Северном Кавказе, сработались.

Богат был Крым дождями вышедшим летом. От них вдувались соринки. Для выходных дня перед колхозом все рабочие совхоза на прополку. А потом собирались на горе, где две махмы с красными флагами и радиорупор. Там пели, читали газеты, пили фруктовые воды, танцовали и гадали футбол.

А третий выходной день был уже подлинно выходным.

А третьим было отдохнуть, — приближалась уборочная.

День грозил дождем. Потому стянулись к клубу, старому помещицкому дому с колоннами, перед которым пошевелили парадом два дюжона дуба.

Первым отобедала оркестр и затворилась под колонны. Тускам инструменты. Едят, говорят, их пары кислоты из соседней аккумуляторной. Но тусклаву медь перекрыла старательная игра, на которую со всех концов совхоза потянулись рабочие.

По сторонам оркестра, под каждым деревом стоим. За одним шахматисты. Ирок ишевант губами над фигурой. Голова забыла все окружающее. А вот ног не забыла. Она под столом слушает оркестр. Слушает и обтирает такт.

Хорошо уйти в повесть, как в лес, отдышать. Но почему заткнул он уши? Не оркестр ли мешает? Правильно ли, что под самым медным ревом музыки расположена читалка?

И мальочка зачем зря у этого же стола? Тут недогадка.

Надо мальчонке изю помит октибрат

У пионеров — с пий, организовава. Справа по одному ров — ишевант. А ком много. Сейчас побескин, сая у. Еще когда он буде

А за синией пи ам у кастов воле ки, вслуду, влестк парти.

— Кости, — кричат волейболисты, — становись на площадку!

— Не могу становиться, — отвечает Коста, — мне вечером в город идти.

И действительно он не может. Джинсер его празднично засас, гаустук завязан бабочкой, и курявая розовая роза пришпилена под плечом. Как в таком великолепии прыгать за мячом? Все помолчишь! Но... до вечера еще долго. Но... дать пасочку очень хочется.

Не вiano, чем кончила бы Коста, если бы не опустела площадка. То из города приехали инструктора-физкультурники и предложили начать сдачу норм на январь ГТО.

Нале подтянутся шесть раз, и без жульства, аводы подбородок над поперечной.

Одним это легко, они, как пружинные. Но есть и слабосильные. Подвешанные на веревках рук, они только думают заковычить, а подвинуться не могут.

Товарищ Чеботарев, который в белом туфлях справа, что же вы не скажете ребятам, чтоб скинули с себя лишнее?

город. Веселую пес-

Это народ ответственный, ребята, — смирились. Выправка пионерки зря надевано слезидает и бег, а как ты по выведку? Дождик? идет ли?

сервиса тупые вместе. Возврат площадкандидаты на новую

Отдых матерей берегут ясам. Бузузов и напорный, и отдышат уложат, и в игру втянут, и на горшок посадят.

А тем, кто постарше — столько учебной заботы, что и в голову не придет за мамкин подола хвататься, нить ей под руку.

Ребятам можно и к клубу пойти, где уже за волейбольной площадкой, на дорожке вокруг клубы, под ваас банна... танцуют. О чем толкует пара ребятинек на кромок газона? Вероятно они горюют.

— Танцы у нас неладные: все девчата с десятинами танцуют, а парни обочь стоят.

Познавай, верно: лучшие парни сейчас ушли за кормисклад метать гранаты, продолжая сдачу порты.

А от зря до бани и обратно как раз тысяча метров. Вот она где сказались истермиванность и обремененность осядой! Почти 30 человек бежали, а во-время пришло только четверо.

Задыхающийся Чеботарев досадует:

— Ведь четырех только секунд нехватало.

Ладно, после досадовать, а сейчас, айда к клубу. Сванде уже коянится кино, скоро и волейбольного мяча не различивши. И радьерупор обидно начало киносеанса в клубе. Айда на танцевальную дорожку. Bravo! Блещуща Мила звание самой легкой тансуньи в совхозе «Красный» оправдала.

Здесь несколько лет назад была свалка

Конст. Каратаев и Евг. Аброямов

ТАК ЖИВЕМ

Срывается, распахивается окно. Ветерок острожно поворачивает створки. В стеклах, удивленно искых, как глаза лошади, утренний мир. Дом проснулся, он гладит и жлет, может быть равно? Но в доме напротив щелкает форточка, потов окно. Тогда уверенный стукат дождика, и одно за другим открываются окна. Западающая будит гулдя заводов, будит властно, термшат, как заспавшего приятеля. День начался!

Мусламова, напевая, божит к руковоиннику. Умыться, привести в порядок комнату, сменить воду в вазочке с цветами, поавтракать — везде успевать и первой прийти на работу. Бывшая тащица, комсомолка, она в двадцать лет уже инструктор по тематическому делу. Она умеет организовывать свое и чужое время.

Вафля мотороливо засадается, пьет чай и читает. На полу вечерняя газета. На подоконнике крошки хлеба и недокуренная папироса.

— Ну, астроном, пошла, — говорит Ибрагим. — Пошла, — отвечает Вафля, выключает на одно лампо шнур и идет за Ибрагимом.

Где-то ухитривается: пьет, ест, говорит и, отыскивая лампу, ловит мотив, услышанный вчера в буквоей роще, все — сразу.

Эрист по обыкновению недобовал: скучная работа стоит у станка, то ли дело шоферу — гауи!

К продбазе, покачиваясь, подходит автомашинка со свежим хлебом. 6.000 человек идут, бегут, одваются, закупивают, сменяются, жуот, разговаривают — в девяти корриузах, омнутых росой и солонцем.

Тягурия просыпается, как из плуки.

Оделало встант на дыбы. В воздухе: брочки, рубашка, няджак с машущими рукавами, кепка, сапоги — все мелькает, кружится и каким-то чудом поледает на свое место.

С 9 до 11 часов по лестницам сплуют разносчики продбазы: доставляют продукты на дом. Открываются мастерские: столярная, слесарная, пошивочная, открываются сберкасса, почта, парикмахерская, аптека, душ...

Основание Новодевичьего монастыря относится к XVII веку. На Усаचेво приезжала посмотреть монастырь, вспомнить Бориса Годунова, царевну Софью и советоваи возвращаться засагата и захватывать голоши. Теперь на монастыре висит вывеска «Музей раскрепощения женщин». Дом № 29 по Усаचेво начал свою исто-

К посещку от трамвая протянулся живой поток, идут рабочие к заводо.

В поселе девять корпусов. Решим так, пойдем и будем расширивать работу, молдась об их жизни. Заводом в квартале: Баки у Демьяна, Вафля, Мусламова. Кавалес, что о каждом из них можно написать замечательный очерк. Они были лучшими в Усаचेво, их рекомендовали нам Кавалес, Ахалия и другие партийные товарищи. Мы молдани и сарыгу Кавалес, и бухгалтеру Миллеву, брали цифри о количестве дома. С нами все охотна делались своими работами, а мы до этого думали, что никто не будет подробно рассказывать о себе. Материала скопилось очень много. Пришлое для начала выать один кусочек. Мы думали написать в далнейшее рассказ об Усаचेво, а пока будем держать с городом связь и бороться вместе с рабочими города за социалистический бег.

Столетний домик на Усаचेво

рино в 1928 г. В 1926 г. здесь была свая. В 1928 выстроены целые социалистические города: 9 пятиэтажных корпусов встало на утрамбованный грунт, 6.000 рабочих, переселилось в прекрасные дома. Рабочие «Калужка», «Электростанка», Арзамовского трамвая, «Красной Воли» и другие предприятий Фрунзенского района получили чистые уютные квартиры: три комнаты, кухня, ванная, уборная. В большинстве квартир телефоны и радио. Утром рупором сообщают о начале трудовой недели, вечером передают трансляцию из Большого театра, на Парка культуры и отдыха. В доме водопровод, канализация, центральное отопление.

Город живет на газе: растет годовой прирост его составляет 447.769 руб., расход — 189.500 руб. Большая часть прибалы идет на улучшение бытовых условий социалистического города.

В 1933 г. мусора нет и в помине. Дома имеют жилой и уборный яки. Во дворе дома разбавлены замечательные мотопеременные газоны. Если взглянуть на фасад дома, взору представляется два ряда стройных домов, идущих параллельно друг другу. Среднюю часть здания занимает зеленый сквер с колодезью, еще не окрещенный деревьями. Красивый фонтан занимает среднюю часть сквера. По вечерам здесь отдыхают рабочие, а днем играют их дети. За сквером видна терраса кафе.

Советская власть дала все возможности людям из подвалов и хлану оздоровить свою жизнь. Но человеческая привычка — зло, от которого трудно отречься. Даже безпризорники не хотят снимать свои ломоты в чистой приемной лет-дома.

В квартире № 10, корпус 1, служажий Решетников держал помоя до той поры, пока в яки завалялся червь.

В квартире № 224, корпус 4, рабочие Царев, Мамкин, Ершонов систематически не убирают своих комнат.

Еще осталось 15 рассадников грязи...

Новым корпусам угрожал мусор, грязь, нечистота.

Амбалась ободить газоны, вытаскивая траву. Домаша деревня: больше — на тростники, маленькие — на луки. Обрывал цветы. Стоны лестниц украшала похобными иероглифами. Балконы обшивали старой рухлядой — тришками и мочалой.

Старый быт ломается в двери молодого быта. Старый быт напрягает силы слабости, сплываюности. Но он еще жив, этот старый быт, еще висит пара гнилых стульев над балконом, еще среди ночной тишины пыльные асханы и ругань...

«Жизненно можно убить человека, как топором».

Секретарь фракции Гапонов, 25 человек партия, беспризорный актив, врач Келлер борются за социалистический быт.

На перекрестках объявил войну хулиганству и преступности. Усадьба была одним из самых замечательных районов. На чердаке новорожденным извлекать было войну — покло шпаны. Сталя органи-

Рабочие получили уютные квартиры

На новом балконе висит старье

зовывать Осамла — сполотился врезка ершана. Остальные болели: «Где уж там амуль, сами как бы не койна». Уставшая дежурить, организовали несколько обвал на чердаках. Позаботились о том, чтобы пристроить людей на работу. Возни были! Одному товарищу из бригады голову проломали.

Врач Келлер помогает в работе Гапонову, и из ее дело выладеет много несладких минут. Келлер привлекало больных людей, но вода больно-го вымачивала, спрощи, и уже знаешь, чем он страдает: амуль не был гораздо труднее, как ты его вымачивал, амуль и него нет ни тела, ни головы — вернее, тысячи голов и тысячи тел; как ты его спрощишь, когда он безголов, — вернее, настолько многоголов, что если будет говорить, то ничего не разобрать.

Келлер организовала санитарную комиссию, которая имеет своего уполномоченных. В каждом подъезде грязных жильцов выносят на общественный суд: афишируют громадными булавками «Суд над черками», собираются народ в красном уголке, — черка красное, белое, слепые.

— Второй раз, — говорит Келлер, — черка не приходилось судить. Квартиры после суда мылись, чистились, старье выбрасывалось. Нарока сам, захватывая рукава, помогла жене снимать пачтуну.

На производстве вандый рабочий связан общими интересами с цехом и станком. И если кто-нибудь похобует лопать свой завод, то его будут судить как вредителя. Эти общие интересы и беспринципного отношения продвигать к своему добру не относятся в обстановку семьи и дома. Но работу по социалистической организации жандая амуль в нашем городе «старички» и средний возраст. А молодежь тут авиана, ой «некогда», она приходит только есть и спать.

Много работы продвигать Гапоновым, Володяем, Коробовым, много работы продвигать Келлер, — еще больше работы вперед.

Сейчас нет в городе общественной столовой, — тревожный примус и свирепая домашняя хозяйка с подогнутым подбородком еще не область преданий. Тесно красной уголок, где собирается жандая дома, чтобы поспать, побеседовать, починять журнал, смывать в шланги и поспать лежачу по авиации, автоледу, астрономии; нет мусорожигалки, и утренний воздух иногда отравляется едким дымом горелых отбросов. Нет для молодежи волейбольной и футбольной площадок.

Молодежь стремится овладеть техникой. Эрикт, который сейчас работает один, может ей в этом помочь. Домашаго пусть организует кружок водителей. Муслимов — отличная масовичка. Ганна будет учить ребят играть на гармошке. Можно назвать и оборудовать один-два из обычных подручных дел под кауб и столую.

Все это должно стать делом чести пятного комсомольцев, живущих в городе, и ячеек, в которых состоят эти ребята. Ударники на производстве могут и должны стать ударниками быта.

Новые лодки дожидаются у пристани

В. Кожевников

ДИНАМОВЦЫ НА ВОДЕ

Десятый павильон варшавской виллы. Камера одиночного задомочья. Сыро, серо, тускло. Тяжелые стены прижимают в узкой амбразуре задомочья окна кляме лучи утренного света. Посреди камеры стоит человек, обнаженный по пояс, он приседает, разводит в стороны руки, проделывая гимнастические упражнения. Голодны, тяжело жадно пошевелив, во воздуха исхватывает, тяжело и срывающе чуть сжимает сердце спазмами, дышит. Может лучше в бассейн лечь лицом вниз на койку и лежать так, прислушиваясь к тишине камеры. Но нет, не такой это человек!

Феликс Эдмундович Дерягинский в премогазг камере варшавского задомочья неустойчиво боролся за жизнь и бодрость, чтобы сохранить себя для революции. Феликс Эдмундович занимался гимнастикой в тюрьме, ибо он знал, как важно большевиком быть крепким духом и телом.

Дерягинский явился инструктором организации proletарского спортивного общества «Динамо». И в дни 10-летия «Динамо» все мы это помним и знаем.

Если «железный Феликс» черпал бодрость и крепость из простейших гимнастических упражнений в затхлои тюремной камере, то какие же требования может предъявить страна нам—молодежь, валаксамцам в спортивных стадионах, волных станциях и спортплощадках.

Физическая культура, соединенная с большевистской целеустремленностью, воспитает в нас ярчайшую способность социалистического человека.

Динамовцы с ехались со всего Союза. Каждый в своем отделе загара. Густооблаченные кривыми, обожженные солнцем тайги дикавоступники, поджаренные до черноты кавказцы и бледные ленинградцы.

21 июля в 4 часа заместитель главного судьи Н. Сухоуров объявил в рупор от имени Центрального совета «Динамо» первый день юбилейных всесоюзных соревнований по плаванию открытым. Семь пловцов стали на старт. Вода, упрята, покаянная, лежит в коридоре дорожек недвижимо.

—Марш!—и все семье вознаизся в водах, секунду их не видно, но вот они появляются, в ногах бурное кипение воды, вытравлены руками они рвут воду, идут колым. Вперед вырывается Пушчинский.

Первые 50 метров пройдены в полминуты. Пушчинский прошел победителем 100 метров—1:07,9 сек. ...Сейчас пловцы готовятся к эстафете. Здесь идет матам личному тубсаванию. Подготовленность всего коллектива определяет победу.

На старте Москва, Ленинград, Северный Кавказ, Закавказье, УССР, Сигнал дан. Резников—ленинградцев—сразу сбрасывает москвича Андерсона, но эстафета заводящего Андерсона поладает Кисилухину. Кисилухин идет в спине мощными толчками. Он обгоняет на 8 метров ленинградца и передает эстафету Маламу. Малам, опытный пловец, с прекрешо развитыми мышцами и чистым дыханием, идет на боку. Просвет увеличивается до 13 метров. Победила команда Москва—5:11,8 сек.

В женской эстафете Помогаева красными и синими рывками (брасом) легко отбросила сво-

Ватерпольная команда «Динамо» на сдачке по комплексу

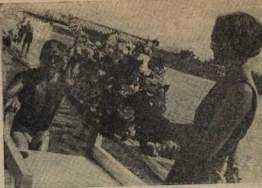
их соперник далеко назад. Несмотря на все рывки, ленинградцы не смогли осилить интервала.

—На старт выходит команда военизированной эстафеты. Пловцы в одежде. Дистанция 4 до 50. Сигнал. Пушчинский, Нейман летучим прыжком срывают старт. Зрителям словно ошущают сквозно одежку приносонение воды. Вынырнул Пушчинский и Нейман идут вместе, секунда в секунду, рука в руку. Но Нейман делает усилие и опережает Пушчинского на пометра. Следующим идет Малам (М.). Он сильными рывками раздвигает воду и заволаывает 12 метров. Заканчивает эстафету Алуферов (М.); Выбореренный поочерем трибуны, он стремительно покрыл свою дистанцию. Эстафета выиграла Москвой—2:46,5. Ленинград—3:15,0; Кавказ—3:17,0; ДВК—3:17,2; Закавказье—3:18,6...

...Женский заплыв с гранатами. Трибуны в заволнованном виде. Идет чемпионка Ленинграда Александрова им. Сталина Сафонова. Сафонова сразу вырывается вперед и уже победно предвухает приносонение своей руки к финишу, но Алевтина не сдается и на 10 метрах нагоняет ее. Пловцы идут на боку, держа в левой руке гранату, как факел. Идут ровно, с торопкой прислушиваясь к бурчающему гулу воды (оглушают—потра секунды). Подходят к финишу вместе, но Сафонова быстрой вырывает кисть руки, одна десятая секунды, и она победительница, ее время выше всесоюзного рекорда—2:4,8 секунды. На третьем месте Северный Кавказ.

...Репорд на 1500 метров. Сасаев московского автозавода им. Сталина Борисов, шедший вне конкурса в заплыве воальным стилем на 1500 метров, поставил новым всесоюзный рекорд—22 минуты 15,8 сек.

В заплыве в 200 метров брасом Помогаева красной и ровно вытравом с огромным преимуществом, ее время—3:36. Второе место—Е. Второва—3:56,8.

Пловец Файзулин на финише 15-километрового заплыва

Прыжки в воду. Это эрещие замечательного скоакания в воздухе. Это почти медленное парение. У человека словно вырастают незримые крылья, когда он, расправив руки, скоакывается с 10-метровой вышки в воду, продолжая в ней возрительно плавать полет. Но прыжкам с 3-метрового трамплина первое место взял Астафев (М.).

...Заплыв на 15 километров пловца Файзулина (Одесса—Москва) продолжался 4 часа 27 мин. Его сопровождали две лодки, украинские лоджаны, и катер. У берега его приветствовали тысячи зрителей. Файзулин окончила свой заплыв блестяще. Физическое состояние его отличное. Эта дистанция не была для Файзулина трудной и сложной. Не так давно Файзулин совершил впервые в СССР в пресной воде заплыв на 24 километра, покрыв расстояние в 8 час. 7 мин.

Сейчас Файзулин готовится к новому заплыву в 26—30 километров.

Покнем водную. Сядем в поезд и подем на Митинское стрелбизне. На воду мы распростерли стрелки. Наблюдатели сидят на вышках с биноклями. Остро пахнет сухой травой и пороховой гарью. Команды состязаются по стрельбе на 600 метров прошая с разным успехом. В среднем на команду выбито 420 очков против 383 прошлого года. Высший командный результат показала команда Первого московского общества—471 очко. Ленинград и Украина—469 очков. На последнем месте Татария—331, Северный край—362, Средняя Волга—369.

На 375 участников соревнования по стрельбе 208 дали полную норму ГТО...

...Динамовский стрелок целится, он держит винтовку так, что у зрителя исчезает ощущение ее тяжести. Битовка становится естественным продолжением его руки. Стрелок стреляет лежа, он расправляется по земле удобно и плавно, даже уютно, чувство нарочитой позы пропадает, как и ощущение веса винтовки.

Все внимание стрелка концентрируется на прицеле и мишене. Рук, гол, корпуса в отдельности нет, они предельно объединены в удобной позе. Это большое умение мастера...

...На крутой вал стрелбизны, поросший курчавой зеленой шерстью травы, выходят лучшие стрелбизны. Товарищи Кузальов (Средняя Азия) выныривает на 70 возможных 66 очков и занимает первое место; за ним Шевченко (Украина) и Михеев (Ленинград) выныривают по 65 очков. Ильинский (Закавказье), Шипилов (ОДОН) и Галдин (1—10 июля)—64 очка. Лучшим командным результатом на 50 метров—из нагана—показала Белоруссия (522). Западная область (521) и ВПШ (519). Нахулянский позорный результат дал на Восточной Сибирь: только 306 очков. Лучшим индивидуальным результатом на эту дистанцию дал Смирнов (Нижегня Волга)—146 очков из 200 возможных и Паутов (Татария)—141 очко.

Но вот на вал стрелбизны выходит команда старейших динамовцев в составе Лавина, Фомина, Бугакина, Шуаева, Кавешникова и Эгура. Команда вытупает на приз имени почетного председателя ЦС Г. Г. Ягоды. Дистанция 600 метров. Глебов ударяет в галваз далекие мишени. Команда юбилейнор дает лучший командный результат—49 очков.

Динамовцы умеют владеть оружием!

Женская команда пловцов «Динамо»

тип ее составления таков: одного плохого фильма мало, давайте дадим их два! А ведь вместо этого можно дать продуманную, расширенную программу, где был бы короткометражный фильм на материале жизни и бага работности Советского союза (а также фильмы эстрады), журналы «Советского искусства», «Наста и техника» и наконец художественный фильм.

Наш артист растет, и нужно помочь его росту, а не тянуть назад «тремь сериями в один сеанс». Все наши обвинения относятся прежде всего к тресту Мосгоркино. В системе его работы до сих пор существует разделение на 1-й, 2-й и 3-й экраны. И если это разделение возможно по признаку мощности кинотеатров, по пропускной способности или доходам, то 3-й экран, обслуживающий рабочие районы, никак не должен становиться трехэтажным. Занятным кино, где 30-процентность фильма считается удовлетворительной, и говорить о какой-то художественности, значимости картин не приходится. Полюб программы для 3-го экрана, его репертуар формируется в основном за счет программных организаций и нашей советской и комсомольской общественности.

4. Музыка и кино

С presence любого выходящего из кино, о котором мы говорили, был бы музыка по картину. Он отвечает нам не сразу. Нужно вспомнить...

Да, да, музыка. Как же. Музыка. Присутствие иллюстратора замечается только тогда, когда он неожиданно перестает играть. На рушится привычный рефлекс, и артист реагирует. «Киношная» музыка в большинстве случаев музыкальный выхлест — обрывки вальса, кусочка марша, беспорядочные аккорды.

Пропустите же в «Белкине» во «2-й рабочий», откуда и кино им. Моссовета, — и сразу вы услышите о звуке и ту же музыкальную артефакт, которую равняют к музыкальным привнесены вальсов и маршевых. О да же может звучать при этом. Обычно фильм иллюстрируется, как бо на душу полагает. Провизорский просмотр, проработки фильма и подбор материала иллюстратором отстывают. А ведь музыка играет очень большую роль в восприятии картин и отдаленно ее образа. Примером может служить блестящие музыкальные характеристики Шостаковича в «Одной». Из сочетания музыки с экраном может родиться новое символическое звучание. Осмысленная и продуманная иллюстрация несет иногда необходимый корректив к фильму.

Удельный вес немтого кино еще очень велик на наших экранах, и повышение квалификации иллюстраторов, ликвидация «киношной» музыки — одна из очередных задач Мосгоркино.

Почти во всех кино, где мы бывали, есть оркестры, играющие в фойе или саду. Нужно использовать все имеющиеся возможности для обогащения культурной нашей молодежи. Оркестры в кино — одна из таких возможностей. Здесь музыка незаметно входит в быт, приобретает значение музыкальной культуры. В кино им. Моссовета музыку уже слышат. На трюмо разговаривают во время исполнения шпильки. Интересуются исполнением номером, запоминют композитора. Во многих это звучит от джентльмена. Бюджетно требующего к себе внимания, поносящего иногда номера.

5. Проблема фойе

Смотрите пожалуйста ту-стен. — Можно и ту-стен, — равнодушно соглашается баянист. У него каменное лицо и вертикальные пальцы.

В садах только дубовый.

Фасонные пария расцелены по стенам. У всех танцующих раскрасневые лица.

Это фойе кино клуба 1-го часового завода. Танцуют в оляндиян сезона. Мы — за танцы! Но здесь, в забрызганом и душном помещении, танцы нарождаются в танцующую веселую талого счастья.

Перед последним сеансом зажимаются два ряда адемы, ощущающих деревянный помет для танцев в кино им. Моссовета. На заборе появляются големы любителей танца — мванчикис из соседнего двора.

Оркестр, играющий только что сюиты или баркаролу, переодет, скрепя сердце, на подпрыгивающе «падальше».

Специальные плашки для танцев есть и во «2-м рабочем» и в ряде других кино. Танцуют вальс, падевальс, корочку, ту-стен. Но танцуют мало. 5—6 пар — это уже хорошо. Оставшихся вав в

исластво так называемые баянные танцы уже не удовлетворяют молодежь при всем ее желании повеселиться и отдохнуть. Мы должны воздать свой танец, чтобы он вошел в быт нашей молодежи и в фойе наших кинотеатров. На 70 проц. в любом фойе кинотеатра — молодежи. Нужно сделать так, чтобы ее расширять, организовать ее отдых, чтобы все «сезанкомее» стали «знакомыми», чтобы фойе зашло общей, веселой жизнью и перестало напоминать приемную зубного врача.

Сочетать профессиональные выступления с самодеятельностью самих артистов — так строит свою работу в фойе научно-исследовательского общества «Международный рабочий стадион». Обществу это разработать проблемы культурной работы и организации отдыха. В фойе работает специальная бригада. Начинается работа с установления контакта между зрителем в фойе и бригадой.

Сегодня там видишь этого. Давайте же будем слушать... Долой конференцианский раскрасневый вид, выходи из испорченного состояния, заставляй оживиться, вызвать улыбку, интерес.

Предлагается песня с иллюстрицией ее движения. Бригада запевает, и все фойе поет, иллюстрируя ритмическими движениями по смыслу текста, показанным бригадой. Можно заставить все фойе пропускать себя также большой действенной бригадой, пробудить творческий интерес к исполняемому. Песню сменяет тематический танец. Бригада показывает «танец аэролана» (примерно), и затем вместе с ней его повторяют все зрители. К тому времени они уже устали. Тогда идет профессиональное выступление бригады — она танцует, скажем, «танец восточного кулака».

Затем публике предлагают задать тему для танца. Это заинтересовывает. После долгих дебатов голосуют за тему «война». Бригада импровизирует в движении эту тему, а затем прокладывает и сообразившим своей «инструмент» уже на массовую импровизацию танца. Выбирают сообща тему, и в ритм музыки каждый по-своему выражает ее в движении. Получается если и не очень ритмично, то во всяком случае заветно. Иногда бригада демонстрирует импровизационный танец с небольшим постановочным конференцианским рождением этого танца у того или иного зрителя.

Нельзя сказать, что это — шаг вперед в коллективной работе, рефлекс, как пришел в песне.

Речевки — с шумом. Бригада проводит коллективную декламацию на тему «завод». А зрители, разбившись на группы, имитируют чтение шпильки. Одна группа шпильки, другая гудит, третья постукивает, создавая интереснейший шумовой тон для декламации.

Этим идут музыкальные выступления бригады с объяснением исполняемого — композитор, тема и т. д.

После — шумовой оркестр. Сначала какой-то номер исполняет бригада. Затем ее места займут зрители и под руководством члена бригады исполняют тот же номер. Когда новоназначенные музыканты освоились с инструментами, они играют что-нибудь уже по заданию публики, занимая другие владости.

Экспериментальная работа бригады проверена уже в фойе полкомсомольных кино. Бригады начинают работу в «Юном артисте» на Арбате и в «1-м рабочем» на Пресне. Это новое название заинтересовало уже и трест Мосгоркино. Здесь являлся ценный опыт, который поможет сделать выступления рабочих районов образцовыми и веселыми вечерами.

При желании и из маленького дворика можно сделать хорошее летнее фойе (кино имени Моссовета)

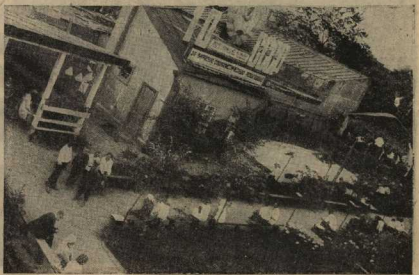
60-80 проц. посетители кинотеатров — молодежь

Десятки нехитрых горелочных онаямлютой стойку буфета и барьер читальни

В кино им. Моссовета музыку внимательно слушают и запоминают композитора

ДЕНЬ В ПКО

Днем здесь спокойно и деловито. Массивы быстро сменяющих цветов итеропалино источают свежесть, изредко звеня стеклянными каплями воды. Дорожки влажны и полусухими. Павильоны, киоски вакут к себе заманчиво прохлады. Читаются куэртбаэм... тишина с легким шелестом страниц, покойно, итеропалино.

В Детском городке Парка культуры и отдыха жизнь идет стремительно и бурно. Хозяева его заботливы и заботы, им некогда. Они владеют крупнейшими индустриальными агрегатами. Они имеют собственную электростанцию, собственный электротрест, на вагонах которого сияют инициалы новой железной дороги «Д. Ж. Д.» Они владеют прекрасного автобуса, настоящего парохода и целого флота лодок. Они устраивают автопробеги на педалях автомобилей собственной конструкции своего изготовления. На своей водной станции они следовито организуют традиционные соревнования на байдарках. Они студенты университета с двумя факультетами: птицеводческим и кролиководческим. Они имеют свою агростанцию, они производят научные изыскания о методах борьбы с сорняками, имеют союз, продукты которого отпачи-

ются особенно хорошим качеством и вкусом. Они полны достоинства, свой день планируют строго и четко, уйма дел, им некогда!

Но вот солнце, покачиваясь, застревая между стенами зданий, зажигает в окнах домов вышнее пламя. Полосатый закат расцвела над Москва-рекой. Парк стал вываливаться и оживать. Вышегород в разных концах парка веселые шуми оркестра, быстро заворочалась колеса аттракционов, и даже запахи цветов стал более острым и сочным. И вот, когда солнце окончательно свалилось за степи кирпичного здания и горячая прохладная температура стала наступать на город, парк вспыхнул сошедшими. Сошедши восточного шара («Шашито»), небесный мечущий путь здесь конечно затмила ландшафтная аллея и наконец задрожала пыльным буметом воздушная карусель. Парк принимает своих гостей.

Мелкий америтетр «Зеленого театра» сразу усиливает целий уездный городок уютно и удобно. Остальных нужно уметь ждать, направлять, усидеть, развеселить.

В каждом человеке есть крохи застенчивости, отчужденности и нерешительности. На боробу с ними в парке выступают массовые. Массовик — это психолог, акробат, плакун, певец и просто славный парниш. Он берет гостя за руку, и тот вдруг обнаруживает в себе множество талантов. У гостя даже появляется сожаление: аги, если я так здорово здесь пою, что же было, если бы я и занимался этим постоянно. Наверное, что-нибудь вроде Собинова из меня получилось бы. Но мука подлого тщеславия поймают посетителя парка быстро и незаметно, и он самостоятельно выступает в массовом танце, у него появляется десятков приятелей, и он, полонправный и активный члени коллектива, разгоряченный и горячий, идет к эстраде театра и вдруг наткнется на трибунку, на лей надписи: «Проверь свои знания по истории партии». Сомнения закрадываются в его радостное возбуждение, и он думает: «отдохну хорошо, а вот с историей обстоит дело плохо». И, вздохнув, робко присаживается на скамью. Но полчаса беседы охрыляют его. Знания его не так плохи, проблем в них теперь ярко освещены простыми и четкими объяснениями руковода. Наконец он получает полное право на веселые посылы в эваторию.

Звездное небо распростерлось над парком. Парк дышит звучным дыханием оркестров. Парк ярки и надомночная, как небо. Режные трамваи скользят по наволоковой светом воде. Тише, тише, медленное, один за другим угасает цветение павильонов, ворота парка встали, уже никого нет, в парке пусто. Где-то сбоку мелькает тонкая полоска рассвета, а цветы все пахнут ярко и неумолимо.

На завтра опять радость нового дня.

В детском городке возятся с белыми крысами

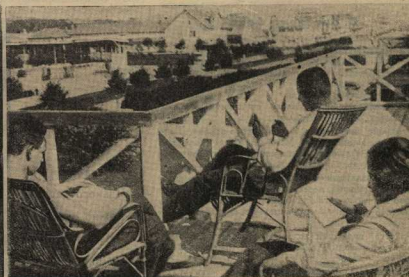
Завертели колеса аттракционов

Над водой мелькают весла байдарок

...Как не пойти в плясь.

В читальне—свежие журналы

Пл. Ипполитов

Футбольный матч ТУРЦИЯ—СССР

Генеральный матч между футбольными командами Турции и СССР состоялся 30 июля на стадионе «Динамо» в Москве и окончился, как известно, победой турецких футболистов при соотношении забитых мячей 2:1.

После крупной победы Москвичи (7:2) поражение сборной СССР было более чем неожиданным. Однако при детальном рассмотрении фактов, предшествующих матчу, приходим к выводу, что на успех советских футболистов в данной игре надежды было мало.

Первая и главная ошибка была допущена при составлении сборной команды. Выбор игроков в сборные коллективы всегда был чрезвычайно труден. На этот раз состав «имел» бы особенно неудачен и не потому, что игроки были плохи. Каждый из отдельных игроков, будь то форварды, бек и хавбек, отвечал всем требованиям футбольной техники, тактики и опыта международных игр. Но ведь победу в конечном счете дает футбольный коллектив — коллектив сплоченный, тщательно подготовленный и тренированный. На одном из этих

качеств сборная команда СССР в матче с Турцией не обладала. В этом основная ошибка составителей команды. Но перейдем к фактам. Начнем с линии форвардов, где был наиболее глубокий провал коллективной игры.

В матче Москва—Турция и в последующих играх на всесоюзных дивизионских соревнованиях центр — форварды Сергей Иванов — был зряне подла. Игра его была изумительной. В сборной СССР он был незаменим. Почему? Ответ прост: Иванов был прекрасно сыгран с нападающими Смирновым и Павловым. Ни тот, ни другой в основной состав сборной СССР не попали, Иванову пришлось играть с ленинградскими полузащитными — Елисеевым и Демитьевым, с партнерами для него не изученными, с ним не сработанными и к тому же разнотипными по стилю игре.

Прекрасная центровая тройка — ядро нападения, решившее задачу успеха — была разбита, что в значительной степени ослабило линию форвардов в сборной СССР. Отсюда слабая игра полузащиты. Игра не клеилась, не удавались тактические комбинации. Атаки были бессистемны, неуверенны и конечно неудачными ударами по воротам.

Совсем низко расставую игроков, тактику и учет прошедших игр можно было наблюдать у турецкой команды. В матче против сборной СССР футболисты дружелюбной нам страны изменили свой стиль игры — игроки резко шли на матч, изменилась тактика защиты, у команды появилась стремительность, законченные комбинации линии форвардов, тесный контакт нападения со своей полу-

защитой, и что самое важное и главное, наши гости полностью использовали слабые стороны нашей игры.

Наша защита после двух забитых в первом тайме мячей в ворота СССР все свое внимание сосредоточила на центрофорварде Вахабе и тем самым дала турецкой команде вести нападение в форме атакующей буквы W, тремя остриями вперед — в центре Вахаб, по бокам — край. Наша линия форвардов придерживалась иного порядка расстановки игроков на передовой линии — они нападали в форме той же, но только перевернутой буквы W. А так как нападающими Елисеев и Демитьев не были сыграны с центрофорвардом Ивановым, игра форвардов не давала результатов.

Во втором тайме капитан советской команды, воспользовавшись правом замены, ввел в состав команды трех свежих игроков: Павлова на место Елисеева (левый нападающий), Н. Фомина на место Дубинина (правый хавбек) и Смирнова на место Демитьева (правый нападающий). Последний мяч ввел в игру за 8 минут до конца матча. Однако «ослабление» линии форвардов как запоздалое мероприятие положительного результата не дало.

Турецкая команда в свою очередь изменила тактику своей игры во втором тайме. Свои центрирование все силы на защите своих ворот, она оставила на передовой линии центрофорварда Вахаба, который оттягивал на себя игроков защиты и полузащиты советской команды. Блестящая игра турецкой защиты (заметьте отсталость игроков в критические моменты у ворот капитана команды Хисока) удачно обеспечивала отдельные вспышки бурного натиска линии советских форвардов. Второй тайм кончился 0:0. Матч выиграла турецкая команда.

Мы не намерены впадать в спортивную истерику по поводу одного поражения. Мы изучим причины поражения, повсеместно спортивно-техническую учебу и возмем крепость спортивного мастерства так же уверенно, как преодолели многие трудности на трудовом социалистическом фронте.

Здесь мы упомянем одной пример, характерный для московской футбольной команды, чрезвычайно характерный для конечного результата. Опытному тренеру поручили вести с футболистами систематическую тренировку. Были проведены тренировки, два матча сборной команды. Результат регулярной тренировки оказался на матче Москва — Турция. Команду СССР не тренировали и к тому же составная неудачно. В результате поражение, второе за все международные игры (первый проигрыш в Гоманин в матче с австрийской командой в 1927 г. со счетом 3:1).

Сборная СССР перед матчем

Слоны

С. Нарвычев

Муки маститого

В их привязанности было много странного и непонятного. По существу это была весьма далекая дружба от друга друга. В самом деле, что могло быть общего между мастытым драматургом и бесподобно темной рядового комсомольца? И все же три раза в год драматург вызывал в комсомольский театр в перебранный с ней короткий разговор.

Первый разговор происходил зимой, когда в Госплане недоумались оттого хозяйственного года и на столе мастытого уже оказывались драматургический авантюрный роман. Перед симон, как говорится, поднялись занавески неизвестности, и он привалывал к себе в кабинет тех комсомольцев.
— Замше затруднения, — сухо сообщила мастытый, — песна парфосая, но без контрастов.
— Советы? — коротко вопрошала темн.
— Советует выдерживать. Это любит жену того, а тот любит жену этого. Это не знает, что тот любит его жену, а жена того знает, что тот любит этого. Это в свою очередь не понимает того, потому что тот знает на что ей, когда ему нравятся, а та, как раз не любит этого, а любит директора нового завода. Действие разворачивается на стройке. Главных ролей немного. Это у инженер-продлетин, тот у председателя месткома, а та — жена продлетина, та — жена продлетинка. Все нам будет бы в порядке, но, говорит, дай парфосой пьеса этого мада. В пьесе требуется для контраста индигерозистый молодой человек нашей эпохи.

— Понимаю, — говорила темн. — Молодой человек, рост средний, лет 21, волос русый, глаз голубой. Костюм — спец, темного цвета. На всех слов бьет оптимизм. На вопросы главных персонажей молодой человек отвечает двумя вариантами. Вариант первый: ха-ха-ха, вариант второй: ура-ура-ура.
— Совершенно справедливо! — говорила мастытый, и темн исчезала.

Второй разговор происходил весной, когда критик получил самантные пущики и начинала мучиться с жюри и олимпиадой. В эти дни мастытый оказывалась очередную пьесу и мучась творческими угрызениями второго квартала, снова вызывал и темн комсомольца.

— Веселение затруднения, — говорила мастытый, — песна камерная. Но...
— Совет? — перебивала темн.
— Советует выдерживать. Та любит мужа этой, а эта мужа той. Та не знает, что эта любит ее мужа, а муж той как раз увлекается женой директора института. Действие разворачивается в квартире крупнишного ученого. Главных ролей немного. Та — жена ученого, эта — жена секретаря членин, тот — ученый, это — секретарь членин. Все в порядке, но не понимает для контраста индигерозистого молодого человека нашей эпохи, который бьет над осеннем техинин и обнимает у ченого его супругу.

— Понимаю, — говорила темн. — Молодой человек, рост средний, лет 21, волос черный, глаз черный, в руках лямки. На всех слов бьет оптимизм. На вопросы главных персонажей отвечает двумя вариантами...
— Нет! — перебила мастытый. — Дух вариантов уже мада. Молодой человек растет, его крутятся обидчивости. На этот раз придется сочинить и третий вариант. Ха-ха-ха остается. Ура-ура остается. И третий вариант, новый брось, Маруся, мужа, и мы убежим с тобой в уголоч безбоязненного.

Тяжелый случай в ПКО

Осенью перед уборочной мастытый вызывал к себе пещ несчастного комсомольца слова и мрачно говорил:

— Осенние затруднения. Пьеса колхозного. Советует выдерживать. Тот любит жену этого, а этот жену того. Тот не знает, что этого кулак, а жена этого не понимает и того и этого, а по-настоящему увлечается только колхозной конне. Действие разворачивается в колхозной конне.
— Понятия, — говорила темн. — Нужен молодой человек нашей эпохи для переноситая жемю этого. Рост средний, лет 20, волос каштановый, глаз карий, в руках серы, в словах оптимизм. На все вопросы главных персонажей отвечает тремя вариантами.
— Четырьмя! Четырьмя! — перебила мастытый. — Нельзя забывать о росте крутатора и колхозном фольклоре. Вот например, — жесткая слава мастытый — третья картина второго акта.
Молодой человек: Маруся, мы пойдем тудой вам съедой?
— Жена этого: Вы все шутите. Костя, Молодой человек: Брось, Маруся, мужа, и мы убежим с тобой в конюшню, так проект.

— Жена этого: Убежим, убежим, а муж? Молодой человек (демонически): Ха-ха-ха! Не муж сейчас основное звено, Марня, да которое тебе нужно ухаживать, основное звено — колхозный коню, — Жена этого (растерянно): Бенин. Я согласна с вашим передовыми выгладками. Молодой человек: Ура-ура! (Звонко). На этого комсомольца темн исчезала из кабинета, и мастытый драматург перебрывал в одиночестве до следующего квартала.

В их привязанности было много странного и непонятного. По существу это были далекие друг от друга люди. В самом деле, что могло быть общего между драматургом и рядовым комсомольцем, которого драматург не знал, не видел и вымысел в своих пьесах только для «оптимистических контрастов»?

АФРОДИТА ИЗ КАЗАНИ

Кавайя прислала серпуховским клубам пьесы Ииня драматурга, предлагающего третье издание (РСФСР № — 2955), Валентина Киселева.

Пьеса голубая и постановка Анриетто несложное: «Как буржуазный муж убежал (улетел на самолете) от своей буржуазной жены».

Во время оно эта пьеса послала вероятно более звучное название: «Ни хи-хи, ни фи-фи ни я у кавайера из серпуха».

Такой же последний, подписанный Гавернертхом, рекомендует дескать пещ того же автора, в том числе «Гарраи», драма во многих действиях, и драма «Вогни Афродита».

Ни завкальсектором Западной фабрики (Серпухов), ни завкалубом ни одной из этих пещ не читали.
— Почему?
— Прочтешь... смотришь будет неинтересно!

СТАРАТЕЛЬ

«В Карганшинском колхозе им. А. М. Кагановича (Савоский район) сплав секретаря комсомольского членина Ивана Радугина за лидерство и очковатриство» (из хроник).

— Работай я бы очень рад. Мне молабыть всего мила. Но вот райкомовский народ Придется выжиждать скорее.

Так завия Иван при вест. Он шел в читальню по ряду...
— Ну, раз райком... какой тут смея! В избу-читальню тоже надо...

Но забучу Иван скваза. Что быть в совхозе он обзав. И скорби так плечо помаля!
— Вот так плечо рабочий район...

Но не успел в совхоз прйти: — Хоть верава кричи, ей богу. На заседание под леги... И вновь лугнула в путь-дорогу...

И долго нам пришлось гонать В колхоз, в совхоз, в избу-читальню. Чтобы Ванюшу отмакать. Загроможденный стариком...

Заместо разных срочных дел Храплея в сарас наш старатель. И в тот же день с поста слетел Лодыр и очковатритель.

„Даринк“ быта

Пусть тут сами разбираются. Мне на домашние дела — пловать...

Комсомолец

КАК ПОГЫБЛО ВЕСЕЛЬЕ

АКРОБ

Руководитель Карамышевского сельсовета Доманевского района Вася Курочкин был здоровым, авантюристом человеком. Его не смущали никакие трудности. Во всякое, даже очень сложное дело он вносил веселье и задор. Проработав над сложным хлопободом до 12 часов ночи, он отдымал часок, после этого обливал голову холодной водой и охотно ехал проверять охрану урожая, обещанной и сторожею.

Мы не выдвигали с Васей около месяца, и за это время произошла и нем разбитая деревня. Он стал угрюмым и нервозоворчим.

После долгих усилий мне удалось выяснить причину перемены: его закупили телефонограммы. Телефон сработал на его столе испорчено. Звонили из райко, района, звонили с инкубаторной станции, со случайного пункта. Все телефонограммы начинались с грозного раската: «Под личиной ответственности пресса-совет...». И дальше шла звучная угроза, интеллигентные вопросы, таинственные предостережения.

Первые признаки нервозности появились у Васи, когда под личиной его ответственности срок предельно в кратчайшей исторической срок сообщить, сколько в сельсовете находится снапик и бабозорек.

Много ударного труда потрачено он на это исследование, но оно было только началом бедствий. В разгар хлопободы, когда все без исключения комсомольцы находились у машины, Васю срочно потребовали к телефону. Напрягая последние силы, он прискакал галопом в сельсовет. Началось, как всегда, с грозного раската: «Под личиной ответственности...». Затем с грохотом и звоном, под лютым неотложного культурно-политического значения предлагалось немедленно ответить на 47 вопросов, мобилизовав для изучения материала всю

общественность, сгруппировав содействия КК—РКИ, комсомольскую ячейку и пионерский отряд...

— Сколько имеется анетов и каких сельсовете?

— Сколько из них живут парами и сколько поодиноку?

— Какое у них брехко — серое или белое?

— Сколько анетов прилетало до 17-го года, и живут ли они на крышах домов как на деревьях?.. Дальше у Васи не было сил читать. Грозовые раскаты о личной ответственности и о мобилизации общественности на выполнение «вымышленной задачи» не помогали. Он бросил трубку о стену и убежал обратно к хлопободу.

Через некоторое время Вася опомнился и начал спокойно относиться к телефонограммным звонкам и предельно; но жимерадность его умерла, оставив помертвевшую занеску: «В смерти моей бедствия, никому неупущенные телефонограммы».

Разыщем живых,— и диним на них! И после яток и засад загоним белых сломов и слоних рощатый роюсад. В. МАЯКОВСКИЙ

ОСОБАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Рис. И. СЕМЕНОВА

— А Крышкин что у вас делает? Какая у него нагрузка?

— Он у нас по курсам выделен.

— Аудей, что ли, на курсов подбирает?

— Нет, он у нас для всякого обучения выделен: на крольководов кончил, тоже и насчет счетоводства учился, сейчас вот на курсы калдошников собирается... По учению он у нас спец, а вот работать неспособен.

Рис. И. СЕМЕНОВА

У ТИХОЙ РЕЧКИ

СЦЕНКА МЮЗИК-ХОЛЛА ИЛИ ПОЛКШКОЛА?

В полкшколе при Харьивской ФЭД уже 6 месяцев нет руководителя.

Заместит руководителя секретарь ичешка.

На одном занятии секретарь спрашивает: «Что такое мюбгарто?»

Все молчат. Тогда секретарь отвечает сам: «Эмбарго — это экономический бойкот, от которого сильно пострадал Советский союз» (1).

«А что такое консерваторы?» — спросил с места.

«Комсомола Б. ответил: «Консерваторы — это люди, которые изготовляют консервы».

Как происходит занятии в полкшколе. Знает ли об этом директор?

Знает ли горюм ВАКСМ?

— Вася (с ровниной трювогой), это для него же вы цветы собираете? Не для Нинки?

— Цветочки, чтоб их чорт побрал, никак от этих сорняков поле не очищу

Б. Костин

„Погиб товарищ“

Раткин

„Годен“

В. КОСТИН

КРАСКИ МОЛОДОСТИ

Первое поколение — старые мастера, оканчивавшие обучение и работавшие еще до Октября; второе поколение — мастера, вышедшие революцией, и наконец совсем молодое поколение художников, вышедшее (без малых лет) из советских школ и школ, созданных по школьной схеме, но уже показавших свои творческие возможности.

Это третье поколение нашей художественной культуры мы и показываем сегодня.

Если среди старых мастеров и мастеров советской формации рамках колоссальной творческой направленности очень велика, начиная с натуралистических течений, экспрессионизма, и кончая экспрессионизмом молодых мастеров ОСТА, то среди только еще формирующейся молодежи эти творческие рамки в каждом случае индивидуальными канонами западноевропейского искусства. Сюда в первую очередь нужно отнести Яновскую, окончившую курсы АХР в 1930 г. и давшую уже весьма серию групповых и индивидуальных портретов, вернее и глубже расширяющих современные советские традиции. Шестая же, возглавляющая новую расцветавшуюся Восток Лужковского, выставленная на выставке «15 лет РККА» большую продуманную композицию «РВС Особой армейской авиадальнейшей Красной Армии».

В духе национального грузинского искусства работает молодой Джагларидзе, давший картину «Красноармеец в дождь», своеобразно сочетающую условные элементы грузинского национального стиля с реалистическими элементами русской школы.

Более широкое влияние западноевропейского искусства связываются с работами Гавриенко, окончившего в 1930 г. монументальное отделение ВХУТЕМСа. Он много берет и от традиции украинской монументальной фрески и в то же время от французских художников-реалистов XIX в. — Домье и Милле.

Эти влияния лучших представителей старшего поколения искусства, характерные и для Бушова, выставившего блестящую работу «Здоровый романтизм Катюши Гибель» в бумажной технике.

Вторую группу нашей молодежи представляют художники, также идущие в основном, но отталкиваясь в основном не от русских традиций, а от искусства западных художников последнего времени. Их непосредственными учителями являются наши «западники» — художники и мастера группы ОСТ.

Привлекающий к этой группе молодой художник Н. Стетий повел себя как совершенно зрелый художник. Его картина из морской жизни «Поля свободы, стая и дождь», — одна из лучших. Она весьма интересна, немного необычна своим новым и свободным, но тщательно выполненным.

Сюда относятся и худ. Антонов, давший с прямого подражания Дейнеки, но пришедший сейчас к своеобразной живописно-чистой манере, сочетая графическую конкретность рисунка с живописной выразительностью цвета.

Особо стоят молодые художники Одинов и Меллер, окончившие школу живописи в искусстве прошлого — в монументальных фресках XIX—XVI из формационных направлений буржуазного искусства последних десятилетий.

Этими художниками конечно не исчерпываются все третье поколение советских художников. Мы показываем здесь только тех, кто принял участие на двух крупнейших выставках сегодняшнего года. Большинство из этой молодежи — комсомольцы и молодые члены партии, и это является лучшим свидетельством роста передового пролетарского отряда молодежи Страны Советов.

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы и очерки

А. Грогов—Подкоп	2
Евг. Анучина—Глетка	4
Дм. Лебедев—Ведущий след	6
П. Балцов—Товарищ Пина	8
Н. Добровольский—«Считать проверенным»	10
В. Ставский—Писатель и читатель	11
Н. Игнатова и Е. Абрамкин—Так мы живем	14
«Динимов»	
(Визуальная газета ЦС «Динимов» и «Семьи»)	
В. Ковневинов—Динимовцы на воде	16
Л. Касиль—Динимовцы на земле	17
М. Пал-Аш—Кинотеатр и киношники	18
В. Ковневинов—День в ПИО	20
Пл. Игнатов—Бутербродный восток Турция—СССР	21
В. Костин—Красноармеец в дождь	24
Ф. Фролов—Выход из Петлинова—Выход из совхоза	12-13
Слова в комсомольской	22-23
С. Нариньян—Музей мастеров	22

Стр-хи

А. Ослендер—Молодость вана	3
Иван Молчанов—Встреча	5
А. Николаев—Результат	6
И. Родзественский—На призыве	9

Рисунки

А. Мельников—Поля свободы	В. Боронов
И. Семенов	

Фото

С. Третьяков, Е. Лейбберг, Г. Малуцкий и С. Софоров	
На обложке фото Е. Лейбберг—На виллере Динимов.	

Павловский

„Ворошилов у лётчиков“

Арумович

РВС Особой ДВКА